

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В.И. ГУЛЯЕВ

СКИФЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
В VII–IV ВВ. ДО Н.Э.
(СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ – НОВЫЕ РЕШЕНИЯ)

Москва 2019

УДК 902/904
ББК 63.4
Г94

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Рецензенты:

Доктор исторических наук *М.В. Добровольская*
Кандидат исторических наук *А.А. Шевченко*

Гуляев В.И. Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. (старые проблемы – новые решения). Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: ИА РАН. 2019. – 656 с.

Эта книга посвящена одной из наиболее ярких страниц древней истории Восточной Европы – расцвету и падению могущественного Скифского царства, существовавшего в VII–IV вв. до н.э. в степных и лесостепных областях Северного Причерноморья от Дуная на западе и до Дона на востоке. В монографии подробно рассматривается процесс открытия и изучения важнейших древностей скифской эпохи (включая «царские» курганы), дается очерк политической истории скифов, обсуждаются вопросы происхождения этих ираноязычных кочевников, пришедших в причерноморские степи «из глубин Азии», характеризуются их духовная и материальная культура, хозяйство и быт, религия и искусство «звериного стиля». Особый раздел посвящен сложным и многовековым взаимоотношениям скифов с жителями греческих северопонтийских городов-колоний. В заключительной главе излагаются существующие в современной науке версии о причинах внезапной гибели Скифии на рубеже IV–III вв. до н.э.

Книга представляет интерес для археологов, историков, искусствоведов, изучающих культуру племен и народов Восточной Европы эпохи раннего железа, а также для широкого круга читателей, интересующихся этой темой.

ISBN 978-5-94375-271-1

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-271-1

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии
Российской академии наук, 2019

© В.И. Гуляев, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1	
Начало Скифской эпопеи	14
ГЛАВА 2	
Открытия продолжаются	92
ГЛАВА 3	
Скифские древности Среднего Дона	162
ГЛАВА 4	
Происхождение скифов и ранние этапы их истории: от Тувы до Кавказа (VIII–VII вв. до н.э.)	244
ГЛАВА 5	
Политика и война в царстве скифов	293
ГЛАВА 6	
Хозяйство и быт скифов	347
ГЛАВА 7	
Скифское искусство	417
ГЛАВА 8	
Религиозные верования населения Скифии	470
ГЛАВА 9	
Греки в Северном Причерноморье	531
ГЛАВА 10	
Гибель Скифии	593
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	629
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	633
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	648
SUMMARY	649

ВВЕДЕНИЕ

*«Мне снится прошлое. В виденьях полусонных
Встает забытый мир и дней, и снов, и лиц.
Есть много светлых дум, погибших, погребенных, –
Как странно вновь стоять у темных их гробниц
И мертвых заклинать безумными словами!
О, тени прошлого, как властны вы над нами!»*

Валерий Брюсов

Эта книга – о скифах – многочисленном и воинственном кочевом народе, пришедшем откуда-то «из глубин Азии» в Северное Причерноморье в VII веке до н.э. и ставшем господствующей силой в этом стратегически важном регионе древнего мира на целых четыре столетия. В то же время – это история скифской археологии, а точнее археологии современных Украины и юга России I тысячелетия до н.э.; поскольку археологические находки – главный наш источник и по истории скифов, и по истории многих других народов Восточной Европы, обитавших тогда в Северном Причерноморье: предков славян, фракийцев, балтов, угро-финнов и др.

Однако было бы несправедливым не упомянуть здесь и о роли других наук в изучении прошлого скифов. «Антропология, – писал известный немецкий историк Курт Вальтер Керам, – это наука о людях. Археология – это наука о том, что оставил после себя человек». И в данных словах нет ни грана преувеличения. Если археолог имеет дело с реальными, но «молчаливыми» предметами, дошедшими до нас из глубин веков, то антропологи изучают останки тех самых людей, которые и создали когда-то эти самые предметы. Благодаря достижениям современных естественных наук, антропологи по костям даже неполных скелетов определяют теперь как питались, чем болели, какие испытывали физические и нервные нагрузки люди, жившие тысячи лет назад. Столь же весомый вклад в реконструкцию природно-климатических условий разных эпох и хозяйственной деятельности давно исчезнувших человеческих обществ вносят палеозоологи, палеоботаники, палеогеографы (и другие представители естественных наук).

Наконец, нельзя не сказать о важном значении письменных источников в освещении истории скифов.

«Очень жаль, – пишет Т.Т. Райс (США), – что скифы не имели алфавита и своей письменности... Поэтому первоначальная информация о них ограничена выводами, которые можно сделать при раскопках их могил, а за основными историческими фактами нам приходится обращаться к немногочисленным и случайным упоминаниям о них в письменных исторических документах их более цивилизованных современников – ассирийцев, греков и т.д. ...»¹.

Надо сказать, что эти свидетельства соседей скифов, не раз испытывавших на себе буйный нрав воинственных кочевников, зачастую страдают пристрастностью и необъективностью. Правда, есть и одно приятное исключение. Древнегреческий историк Геродот, живший в V в. до н.э., посвятил Скифии целый том (четвертый) своей фундаментальной девятитомной «Истории». Он не только пользовался при этом сведениями других информаторов – греческих и скифских, – но и лично посетил прибрежные районы Северного Причерноморья в районе Днепро-Бугского лимана и эллинского города Ольвии. Сведения Геродота до сих пор составляют для ученых главную основу для воссоздания исторической картины Скифии в середине I тыс. до н.э.²

Скифская эпоха (время с VII по III в. до н.э.) – одна из наиболее ярких страниц в истории племен и народов Восточной Европы, обитавших на территории Северного Причерноморья, от Дуная на западе до Дона на востоке. Именно тогда здесь появилось первое военно-политическое объединение государственного типа. Главную роль играли в нем скифы – кочевые и полукочевые ираноязычные племена, пришедшие в благодатные причерноморские степи не позднее VII в. до н.э. «из глубин Азии». Так пишет Геродот. Однако при этом следует помнить, что для всех авторов античной эпохи границей между Европой и Азией служила река Дон (древнегреческий Танаис) и Керченский пролив (Боспор Киммерийский), тогда как в действительности азиатский континент начинался почти на 1500 км восточнее. Поэтому вопрос о точном местонахождении прародины скифов в «азиатских пределах» остается предметом оживленных дебатов в кругах ученых. Называют самые разные, в том числе весьма отдаленные регионы: от Тувы, Северной Монголии, Алтая и Казахстана до завожских и южноуральских степей. В I тысячелетии до н.э. там, в степном (а частично и в лесостепном) поясе, обитали родственные кочевые племена, говорившие на различных диалектах древнеиранского языка.

Внезапно появившись на исторической арене Евразии в VII в. до н.э., эти воинственные кочевые племена захватили степные и лесостепные области Северного Причерноморья, подчинив себе или вытеснив местное население. Победоносная скифская конница прошла затем через горы Кавказа, разгромила ряд древних государств Закавказья и Передней Азии и угрожала даже далекому Египту.

Непобедимый на протяжении почти четырех столетий, этот могучий и многочисленный народ внезапно исчезает, оставив после себя лишь легенды о своей храбрости и жестокости, да бесчисленные курганы с могилами рядовых воинов, знати и царей.

К сожалению, несмотря на более чем двухвековые археологические исследования мы пока не можем дать ответ даже на основные вопросы прошлого скифов. Во многом остается загадкой происхождение скифской культуры. До сих пор ведутся ожесточенные споры по поводу того, каков был общий уровень развития этого народа, было ли создано скифское государство, а если да, то когда именно это произошло? Наконец, нет четкого ответа и на вопрос о причинах внезапной гибели Скифии на рубеже IV–III вв. до н.э. Таким образом, прошлое

скифов и по сей день представляет собой сплошную загадку. Но это отнюдь не уменьшает той громадной роли, которую сыграли скифы в истории древней Европы. «Скифы, этот азиатский по происхождению, но ставший европейским народ, – пишет известный российский археолог А.Ю. Алексеев, – оказывал на протяжении нескольких столетий значительное воздействие на культуру и историю своих близких и дальних соседей. Они оказались первыми в длинной цепочке известных нам кочевых племен, которые с периодичностью в 200–400 лет накатывались волнами по Великому степному коридору в Европу (последней такой волной были монголы в XIII в.). Тем не менее культура скифов не имеет, пожалуй, равных себе среди степных культур по произведенному ею резонансу»³. Почти одновременно с появлением скифов в этом регионе возникают один за другим греческие города-колонии по северному побережью Черного и Азовского морей. И между миром эллинов и миром «варваров» вскоре установились самые тесные торгово-экономические и культурные связи. Тем самым, благодаря скифам, Восточная Европа с конца VII – VI в. до н.э. была включена в сферу воздействия передовой античной цивилизации.

Да, скифы действительно были тесно связаны с эллинским миром. Однако свой след в истории они оставили не только потому, что были посредниками в распространении достижений высокой греческой культуры в самые отдаленные области Евразии. Они и сами создали вполне самобытную и яркую цивилизацию, влияние которой ощущали на себе как ближние, так и дальние соседи, от Центральной Европы на западе до Приуралья и Средней Азии на востоке. Для скифской культуры характерны три важнейших черты: передовые для того времени виды вооружения, самые совершенные формы конского снаряжения и, наконец, оригинальный стиль искусства (так называемый «звериный стиль»). При прямом содействии скифов в течение многих веков успешно функционировали торговые пути, связывавшие Северное Причерноморье с Приуральем, Кавказом, Средней Азией. По словам Геродота, к подножью Уральских гор регулярно ходили (видимо, за золотом) караваны скифских купцов, которые пользовались услугами переводчиков на семи языках. Огромное воздействие скифов на развитие культуры племен и народов Кавказа, Подунавья и Балкан. Но если взглянуть непредвзято на роль скифов и Скифии на судьбы древней Европы в целом и на происхождение древнеевропейской цивилизации, то и здесь можно найти немало интересного. «Без особого преувеличения можно сказать, – пишет известный отечественный археолог А.П. Смирнов, – что в истории цивилизации следующее место за греками и римлянами занимают скифы и кельты. Эти народы определили расцвет варварской Европы и наложили отпечаток на ее дальнейшее развитие»⁴.

И еще один принципиально важный момент. На протяжении VI–IV вв. до н.э. шла борьба «не на жизнь, а на смерть» между деспотичным Востоком в лице гигантской Персидской империи Ахеменидов и «просвещенным Западом» в лице Эллады. Борьба эта шла с переменным успехом. Во всяком случае, все греческие города Малой Азии были покорены персами и привнесли немалый свой военный и интеллектуальный потенциал в могущество Великой Персии.

Затем персами был захвачен плацдарм и на европейской части Боспора (пролив Босфор). Из школьных учебников мы знаем о разрозненности эллинских государств перед лицом централизованной персидской монархии и о том, что не пустили «азиатские орды» в сердце материковой Греции 300 спартанцев во главе с царем Леонидом. Знаем мы и о знаменитой морской битве при Саламине (480 г. до н.э.), где мощный финикийско-персидский флот был наголову разбит легкими греческими триерами. Но, как мне представляется, никто из современных европейцев не знает и не учитывает того гигантского вклада, который внесли скифы (сами будучи, как и персы, иранцами по языку и культуре) в общий успех греческого (считай, в широком смысле слова, европейского) дела в вековом противостоянии с Азией (т.е. Персией Ахеменидов). В 30-х годах VI в. до н.э. персы решили «замирить» союзников и соседей скифов – саков и массагетов, живших на территории современных Узбекистана и Казахстана, между Каспием, Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей. Северные границы Персии прямо сошлись тогда с владениями этих вольнолюбивых ираноязычных кочевников. Персидский царь Кир с огромной армией вступил в пределы владений массагетов, которыми правила царица Томирис, и, после первых успехов, потерпел сокрушительное поражение и погиб.

В конце VI в. до н.э. другой персидский монарх – царь Дарий I Гистасп – прекрасно понимая роль Северного Причерноморья в обеспечении Эллады сырьем и продуктами, вознамерился покорить скифов и тем самым отрезать греков от баз снабжения накануне решающего столкновения с жителями Пеллопонесского полуострова. 512 г. до н.э.: 600-тысячная армия персов со своего европейского плацдарма переходит через Дунай и вторгается в скифские владения. Итог этой авантюры мы знаем из подробного рассказа «отца истории» Геродота. Дарий был разбит скифской конницей и лишь чудом спасся от смерти. Таким образом, Скифия и греческие города-колонии не только продолжали снабжать Элладу зерном, рыбой, кожами, медом и многими другими необходимыми для эллинов ресурсами, но и остановили экспансию Персии на Балканах и Подунавье в конце VI в. до н.э.

Можно, конечно, гадать, каков бы был исход противостояния Европы и Азии, не будь «скифского фактора». Однако на мой взгляд, без поддержки Северного Причерноморья Эллада вряд ли устояла бы перед натиском гигантской Персидской державы. И тогда весь ход мировой истории выглядел бы совсем иначе: не было бы свободной и просвещенной Эллады; без нее не появился бы на свет могущественный Рим; а без римского влияния на Европу не было бы и христианской средневековой Европы, давшей жизнь нашей современной цивилизации.

Скифы занимали особое место среди многих племен и народов, обитавших когда-то на территории России. К их истории и к их образу жизни неоднократно обращались не только археологи и историки, но и отечественные поэты, писатели, художники. В поэтическом воображении многих из них скифы оказывались то нашими прямыми предками, то их заклятыми врагами. «Да, скифы мы, да азиаты мы с раскосыми и жадными очами...», – писал когда-то Александр

Блок. Но этот поэтический образ отнюдь не соответствует действительности. Судя по антропологическим материалам и изображениям на произведениях эллинского искусства, никаких раскосых глаз и прочих монголоидных черт скифы не имели. Они – типичные европеоиды. По языку они принадлежали к североиранской группе. Из ныне существующих народов ближе всего к ним по языку стоят осетины – потомки сарматов, ближайших родственников скифов.

Скифы – наиболее яркие представители евразийских кочевников. Поэтому все стороны их жизни носят отчетливый отпечаток кочевого образа жизни. Главным занятием населения Степной Скифии было кочевое скотоводство. Как сообщает Геродот, скифы «не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения домашнего скота». Кочевое скотоводство основывалось на разведении и круглогодичном содержании под открытым небом стадных копытных (лошадей, овец, коз, реже – крупного рогатого скота). Лишь с середины V в. до н.э. в степном Приднепровье появляется новая форма хозяйства – полукочевое скотоводство с зачатками земледелия, предполагающее зимнее содержание скота в загонах с подкормкой его твердыми кормами. Для употребления в пищу и подкормки скота скифы выращивали такие неприхотливые и засухоустойчивые зерновые культуры, как просо, ячмень и полба (пшеница-двузернянка). Тот же набор сельскохозяйственных растений преобладал и у обитателей городищ лесостепной Скифии.

Лошадь была главным видом домашнего скота у кочевых скифов. Кочевник большую часть жизни проводил в седле. Обладание табунами лошадей – важнейшее условие зажиточной жизниномада. Но лошадь была для скифа не только средством передвижения. Конина составляла основу мясной пищи. Кобылиц доили, и из их молока делали различные молочные продукты – от сыра до кумыса. Еще великий Гомер называл кочевников Северного Причерноморья «млекоедами» и «доителями кобылиц».

Особо важную роль играла лошадь в военном деле. Каждый взрослый скиф был конным воином. Именно массовое применение конницы в переднеазиатских походах позволило скифам сокрушить многие могущественные восточные государства, а в конце VI в. до н.э. – победить огромную армию персидского царя Дария I Гистаспа, вторгнувшегося в пределы Скифии с запада, через Дунай.

Значительного развития достигли у скифов и различные ремесла. Все важнейшие орудия труда и все виды наступательного оружия (кроме наконечников стрел из бронзы) изготавливались из железа. При этом скифские мастера не только умели получать железо из руды и выковывать из него необходимые предметы, но и придавали им определенные свойства – путем большего или меньшего науглероживания железа, цементации, различных способов закалки, наваривания лезвия мечей, кинжалов, ножей и др.

Особенности кочевого хозяйства влияли не только на бытовую сторону жизни скифов, но и воспитывали у них особый характер степняка. «Постоянная готовность к защите своего главного богатства – скота от хищных зверей и не менее хищных соседей формировали уже с детства из каждого мужчины

стойкого воина и прекрасного наездника. Не удивительно, что эти выросшие в буквальном смысле на коне и как бы слившиеся с ним люди, легко превращались из мирных пастухов в дисциплинированное, мобильное и грозное войско. Кочевники потенциально и в реальности всегда несли опасность для соседних оседлых земледельческих народов»⁵.

Итак, скифы появились на исторической арене в самом начале VII в. до н.э., как раз почти в то время, когда произошли два события, которые сыграли огромную роль во всей мировой истории.

Первым было освоение и широкое распространение железа в качестве основного материала для изготовления орудий труда и оружия. Предшественники скифов (в том числе и киммерийцы) частично пользовались еще бронзовыми инструментами и предметами вооружения. Хотя железо стало применяться в некоторых регионах земного шара еще в середине II тысячелетия до н.э., всеобщее распространение оно получило лишь в начале I тысячелетия до н.э. Овладение металлургией железа и использование железных орудий дали мощный стимул многим отраслям человеческой деятельности, так как железные орудия (и оружие) намного эффективнее бронзовых. Значительно расширились возможности земледелия, резко возрос удельный вес ремесла, оснащенного новыми инструментами, колоссальный импульс получило развитие военного дела.

У скифов все важнейшие орудия труда, все вооружение и почти вся конская сбруя (удила и псалии с VI в. до н.э.) изготавливались из железа.

Вторым важнейшим событием, с которым связано появление скифов в восточноевропейских степях, явилось возникновение кочевого скотоводства. Эта форма хозяйства развилась из пастушеского скотоводства и отличалась рядом специфических черт. Для кочевников, или номадов, характерны прежде всего разведение скота как основной или даже единственный род деятельности, круглогодичное внестойловое содержание скота на подножном корму, регулярные сезонные перекочевки, в которых участвуют все члены общины или семейной группы, отсутствие постоянных поселений, натуральное хозяйство, почти полностью обеспечивающее себя продуктами питания, одеждой, материалом для жилищ. Подсобным способом добывания средств к существованию для кочевников обычно являлась охота. Конечно, кочевники не могли полностью обходиться без продуктов земледелия, без сложных изделий ремесленного труда. Обычно номады приобретали эти необходимые для них продукты и вещи у соседних оседлых племен и народов иногда в виде дани, а иногда с помощью прямого насилия и грабежа. Развитие номадизма предполагает наличие контактов между кочевым и оседлым населением, нередко в форме политического господства номадов над земледельческими районами. Господствовавшие в скифском обществе кочевники, прежде всего, «скифы царские», также подчинили себе земледельческие племена Скифии, нескифское население Лесостепи и, кроме того, осуществляли постоянные торговые, политические и культурные связи с греческими городами Северного Причерноморья. Но об этой части античного мира, расположенного на «самом краю ойкумены», речь пойдет ниже.

Необходимой предпосылкой развития кочевничества является географическая среда, способствующая выработке определенного хозяйственного уклада. Обширные безлесные пространства юга Восточной Европы и прилегающих районов Средней Азии и Казахстана как нельзя лучше подходили для ведения хозяйства кочевников. Покрытые степной растительностью, достаточной для прокорма огромных табунов и отар, но малопригодные для земледелия, эти необозримые пространства стали естественной ареной для дальних перекочевок и на целые тысячелетия (практически, до XIX в. н.э. включительно) стали основной зоной степного кочевого скотоводства. Скифы были лишь первыми, но отнюдь не последними кочевниками восточноевропейских степей. После них в тех же местах кочевали со своими стадами сарматы, аланы, гунны, хазары, печенег и половцы.

Нам довольно хорошо известен внешний облик скифов-кочевников. Они этнографически точно изображены эллинскими мастерами на драгоценных изделиях, которые неоднократно находили археологи в курганах высшей скифской знати. Немало дают в этом плане и антропологические реконструкции по костным остаткам (прежде всего, черепам) реальных скифов из могил и захоронений VII–II вв. до н.э. К сожалению, их реконструкций пока сделано немного. Можно назвать в качестве примера портреты позднескифских царей Палака и Скилура (II в. до н.э.), созданные выдающимся российским антропологом М.М. Герасимовым. Его ученики (Г.В. Лебединская, Т.С. Балуева и др.) также осуществили целый ряд работ в этом направлении (скульптурный портрет скифского воина IV в. до н.э. и графические портреты скифов и скифинок того же времени – из курганов Среднего Дона).

Скифы были людьми среднего роста и крепкого телосложения. Как видно из антропологических материалов, никаких раскосых глаз и других монголоидных черт у скифов не было.

Они носили длинные волосы, усы и бороду, одевались в кожаную, льняную, шерстяную или меховую одежду. Мужской костюм состоял из длинных узких штанов, заправленных в сапоги или носившихся навыпуск, куртки или кафтана, подпоясанного кожаным поясом. Этот костюм дополнялся войлочным башлыком. Женская одежда известна нам гораздо хуже. В целом, она состояла из длинного платья и верхней накидки. Одежду скифов украшал орнамент в виде вышитых цветными нитками узоров или кожаными ремешками и шнурами. Скифы носили бусы, браслеты, серьги, височные подвески, нагрудные медальоны, гривны (шейное украшение из золота или серебра) и ожерелья. Однако внешняя благостность скифских портретов и изображений не должна вводить нас в заблуждение. Из сообщений их более цивилизованных современников – ассирийцев, творцов Библии (иудеев), греков и римлян – известно, что это был необузданный и жестокий народ, получавший удовольствие от войны, грабежей и снятия скальпов с поверженных врагов. Не раз их отвага в бою, неукротимая жажда победы вызывали восхищение и страх даже у жителей могущественных держав Востока – Ассирии, Мидии, Урарту, Вавилона и Египта. И совсем не случайно, что уже первый выход скифов на историческую арену

в VII в. до н.э. был связан как раз с их опустошительным нашествием на очаги древних цивилизаций Закавказья и Передней Азии.

Четыре столетия длилось господство скифов в Северном Причерноморье. Но к концу IV в. до н.э. Скифия вступила в полосу серьезного кризиса и упадка. На западе сильнейший удар нанесла ей набирающая силу Македония во главе с царем Филиппом II. С востока все ближе к скифским границам по Дону-Танаису приближались конные орды сарматов. Большинство ученых в настоящее время считает, что именно сарматы стали главной причиной утраты скифами их прежнего господства в Восточной Европе. Однако здесь пока не удастся устранить одно серьезное противоречие хронологического порядка: гибель Скифии как единого большого государства происходит на рубеже IV–III или в самом начале III вв. до н.э., а массовое распространение сарматских курганов на территории Северного Причерноморья наблюдается не ранее II в. до н.э. Налицо временной разрыв в целое столетие! Тем не менее именно в отмеченное выше время Великая Скифия навсегда сходит с исторической арены. Замирает жизнь на скифских городищах и поселениях, не возводятся более не только грандиозные «царские» усыпальницы, но и курганы рядовых воинов-общинников.

Точного объяснения причин столь грандиозной катастрофы не существует в науке до сих пор. Скифия погибла. Правда, сами скифы, как этнос, как народ, пока не исчезают. Они еще несколько столетий контролируют Нижнее Приднепровье, Крым и Добруджу («Малая Скифия» на Дунае), создав там небольшие, но вполне дееспособные государства. Окончательно смели скифов с лица земли нашествия полчищ готы (III в. н.э.) с запада и гуннов (IV в. н.э.) с востока.

Проблемы скифской археологии и истории всегда находились в центре внимания отечественной науки. Однако с распадом СССР большая часть всемирно известных археологических памятников, связанных со скифами Северного Причерноморья, осталась в пределах суверенной Украины. В России же древности европейских (т.е. живших между Дунаем и Доном) скифов есть лишь в Подонье, Ставропольском и Краснодарском краях. Но в Северокавказском регионе и Прикубанье встречаются лишь самые ранние скифские памятники середины VII – середины VI вв. до н.э. Следовательно, для последующих, самых ярких веков (V–IV вв. до н.э.) скифской истории на российской земле остаются лишь древности Среднего и Нижнего Дона: то есть Ростовская, Белгородская, Воронежская и, частично, Липецкая области.

Средний и Нижний Дон служили восточной окраиной, границей Великой Скифии, но это отнюдь не значит, что они были захудалыми задворками скифского государства. Именно по этой территории проходили важнейшие торговые пути древности, включая знаменитый «Северо-Восточный путь» из Ольвии на Урал, описанный Геродотом. Здесь происходило общение (торговые, культурные и политические контакты) и столкновение интересов (включая военные конфликты) самых различных этнических групп и племен. Здесь же пролегли и маршруты всех больших и малых миграций кочевых орд с востока на запад.

Можно сказать, что Скифия начиналась с Дона (когда его впервые пересекли где-то на рубеже VIII и VII веков до н.э. кочевые орды ираноязычных кочевников-скифов). Доном она и закончилась (сарматские набеги из-за Дона в конце IV – начале III вв. до н.э. означали падение великого царства).

Огромное количество конкретного вещевого материала, накопленное к настоящему моменту по скифской тематике и, одновременно, нерешенность большинства главных проблем скифоведения делают задачу любого человека, взявшегося за написание книги по скифам, очень трудной, если вообще выполнимой.

И тем не менее автор – хотя он и не новичок в скифской археологии – решился на это, уповая на свой опыт и знания, а также на великодушные коллег и поддержку широкого круга читателей.

Сложность ситуации состоит еще и в том, что я буду освещать общескифские проблемы в основном по имеющейся научной литературе, изданной в России и на Украине, а новый, «живой» археологический материал есть в моем распоряжении только по далекой северо-восточной окраине Скифии – Среднему Дону, где я уже много лет веду раскопки. Мне посчастливилось закончить кафедру археологии исторического факультета МГУ в 1960 году по специальности «скифо-сарматская археология». Моим руководителем был известный отечественный скифолог – профессор Борис Николаевич Граков. И уже на первых курсах университета я побывал на самом знаменитом и величественном памятнике скифской эпохи лесостепной Украины – Бельском городище (раскопки совместной экспедиции МГУ под руководством Б.Н. Гракова и Харьковского государственного университета во главе с Б.А. Шрамко). Затем я работал в самых различных уголках украинской земли на предскифских и скифских памятниках I тысячелетия до н.э. и набирался опыта от самых известных специалистов по скифской тематике – А.И. Тереножкина, Н.Н. Погребовой, А.И. Мелюковой, В.Г. Петренко. Но все же и тогда, в свои студенческие годы, и потом, вплоть до настоящего дня, меня больше всего притягивали к себе древности скифского времени на Среднем Дону.

Многолетние археологические раскопки, дополняемые сведениями древнегреческих и римских авторов, позволяют сейчас воссоздать, хотя бы и в самых общих чертах, историю самобытной и яркой цивилизации скифов. Скифской проблематикой занималось и занимается множество исследователей как в России, так и за рубежом. Стоит ли удивляться, что в свое время и я, только начинавший тогда свою карьеру археолог, был сразу же увлечен изучением скифских древностей. Работая на Среднем Дону, я прошел путь от лаборанта до начальника крупной археологической экспедиции. Временами судьба складывалась так, что мне приходилось надолго покидать воронежские края (12 полевых сезонов я находился в составе советской археологической экспедиции в Ираке; несколько лет приходилось вести раскопки на Кубе и др.). И тем не менее среднедонские скифы и их загадочное прошлое неизменно побеждали и вновь притягивали меня к себе. С 1989 г., во главе комплексной Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции, я регулярно веду исследования

скифских городищ и курганов на юге Воронежской области, в бассейнах рек Потудань и Девица (правые притоки Дона) и на востоке Белгородской области (с. Горки).

На протяжении всех периодов древности и средневековья территория Среднего Дона играла заметную роль в важнейших событиях евразийской истории. Но особенно ярко это проявилось именно в скифскую эпоху.

На Дону (Древний Танаис греческих авторов и, согласно античной традиции, граница между Европой и Азией) находился перекресток важнейших торговых путей того времени (из Причерноморья на Урал и Алтай, из северных лесных областей на юг, из Причерноморских и Азовских степей – на Кавказ). Здесь встречались и вступали в контакты друг с другом различные этнические группы, народы и племена – носители самых разных культурных традиций и верований: угро-финны, пра-славяне, фракийцы, ираноязычные скифы, меоты, савроматы, греки. В этих сношениях имели место и мирные торговые и военные столкновения, завоевания и миграции. Наконец, область Среднего Дона, изобилующая многочисленными и яркими памятниками скифского времени, считается одной из наиболее изученных в археологическом плане территорий нашей страны. За сто лет раскопок в данном регионе удалось получить такой богатый и разнообразный вещественный материал (напомню здесь лишь о знаменитой серебряной вазе с изображениями скифов из «Частых курганов» под Воронежем), что без его учета и осмысления невозможно сейчас решить многие общие вопросы отечественного скифоведения.

Скифские древности – курганы и городища – немые страницы забытой истории исчезнувшего народа, которая постепенно оживает сейчас благодаря усилиям ученых. Давайте же заглянем вместе с археологами в далекую и седую старину, в мир ожесточенных битв и походов, в мир своеобразной и богатой культуры, процветавшей на юге России и Украине более 2500 лет назад.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Райс Т.Т. Скифы. Строители степных пирамид. М. Центрполиграф, 2003. С. 9.
2. Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г.А. Стратановского. Под общей редакцией С.Л. Утченко. Л. Наука, 1972.
3. Алексеев А.Ю. Кочевники Евразии: история и археология. Скифы – азиаты и европейцы // Золотые олени Евразии. СПб. Славия, 2003. С. 39.
4. Смирнов А.П. Скифы. М. Наука, 1966 (Отв. ред. П.Д. Либеров). С. 7.
5. Плетнева С.А. От кочевий к городам. М. Наука, 1967. С. 156.

ГЛАВА 1

НАЧАЛО СКИФСКОЙ ЭПОПЕИ

*«Мы – те, о ком шептали в старину,
с невольной дрожью, эллинские мифы:
Народ, взлюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Эхидны, – скифы»*

В. Брюсов

История исследования скифских древностей знает немало ярких страниц. Здесь были и сенсационные открытия, и глубокие разочарования. Порою рассказ об истории раскопок скифских курганов больше похож на приключенческую или детективную повесть, чем на официальный научный отчет. Археологам приходилось сталкиваться с грабителями древностей, бандитами и мошенниками, преодолевать всевозможные трудности (частная собственность на землю, где находились древности и др.). Среди первых исследователей курганов Скифии (а они начали свои работы в конце XVIII века, после завоевания русскими полками Северного Причерноморья и Крыма) были самые разные люди – энтузиасты-любители, крупные ученые, путешественники, военные и государственные чиновники. Многие из них, особенно на заре российской археологии, по неопытности или в погоне за эффектными и драгоценными находками наносили большой вред науке. Раскопки не документировались, не велись дневники по ходу работ, не составлялись планы и разрезы раскопанных объектов. Многие находки, не представлявшие, с точки зрения раскопщиков, интереса, попросту выбрасывались. Все это – невозполнимые потери. Методы раскопок в то время мало чем отличались от простого кладоискательства.

Первые официальные раскопки большого скифского кургана были произведены в 1763 г. по поручению генерал-поручика Алексея Петровича Мельгунова, бывшего в то время губернатором Новороссийского края. Исследованию подвергся Литой курган (или «Червоная могила») 10,5 м высотой в 60 км от Елисаветграда (совр. Кировограда). И хотя курган не был докопан до конца из-за наступления ранних холодов, вскрытое там погребение знатного скифа содержало великолепные вещи второй половины – конца VII в. до н.э. Их приказали передать коменданту крепости Святой Елисаветы для дальнейшего препровождения в Петербург императрице Екатерине II. Наиболее интересной находкой из могилы скифского вождя, безусловно, является меч в золотых ножнах, украшенных изображениями фантастических животных. Это странные

существа с туловищем быка, хвостом в виде скорпиона и головой то барана, то орла, то льва и с крыльями в виде рыбы со звериной головой. Каждое чудовище держит в руках натянутый лук со стрелой. Здесь же обнаружена диадема и множество других драгоценных украшений. Все эти предметы имеют древневосточное происхождение и являются, вероятно, частью добычи скифских воинов во время их походов в страны Передней Азии.

Это была одна из первых попыток археологических изысканий не только на территории Российской империи, но и в Европе. «Сведения о раскопках, – говорится в научно-популярной книге «Великая Скифия» (Киев–Запорожье, 2002 г.), – крайне противоречивы. Насыпь состояла из пережженного грунта, в котором найдены остатки переплавленных металлов, горелые кости, камни, зола и глина, смешанные с угольями. На глубине 2 м под каменными плитами были найдены железный меч с рукоятью и ножнами, обложенными золотыми пластинами с изображениями фантастических зверей в переднеазиатском стиле, серебряные детали от ассирийского дворцового табурета, золотая диадема, 17 массивных золотых пластин с изображением орла с петлями на обороте, украшавших пояс знатного воина, пластины с изображениями обезьян, птиц, бронзовая застежка с головками львов на окончаниях и другие уникальные вещи, добытые скифами во время походов в Переднюю Азию, а также 40 бронзовых наконечников стрел...»¹.

По указу Екатерины II найденные предметы были переданы академику Российской Академии наук Г.Ф. Миллеру для определения народов, «коим оные вещи приписуемы быть могут». Академик подробно описал все находки, указав на их принадлежность скифам. Эти, в общем-то случайные, раскопки и считаются теперь началом полевой скифской археологии, хотя время подлинно научных исследований древностей скифов наступило значительно позднее.

КУЛЬ–ОБА – «ХОЛМ ПЕПЛА»

В 6 верстах от Керчи по дороге на Феодосию в пустынной степи возвышается большой каменистый холм, носивший у местного населения название Куль-Оба, что по-татарски означает «Холм Пепла». Холм давно уже привлекал внимание окрестных жителей, которыми он был облюбован в качестве удобного места для легкой добычи камня. Особенно интенсивному разрушению Куль-Оба стала подвергаться в первые десятилетия XIX века, когда началось широкое строительство Керчи. Так, например, некто Рафаил Скасси, генуэзец, создавший в городе контору по ведению меновой торговли с кавказскими горцами, взял здесь для постройки ограды своего сада «400 кубических саженой камня»². Однако несмотря на всю эту разрушительную деятельность, Куль-Оба, покрытая огромной девятиметровой шапкой каменных глыб, по-прежнему стояла как незыблемый утес над плоской равниной окружающей степи.

22 сентября 1830 г. по приказу градоначальника Керчи И.А. Стемпковского в окрестности города была отправлена рота солдат для добычи камня на строительство новых городских зданий. В ходе разборки большого каменного хол-

ма работающие внезапно наткнулись на древнюю гробницу в виде квадратной камеры (площадью в 20 м²), сложенной из огромных, тщательно отесанных известняковых блоков. Перекрывал ее ступенчатый (или «ложный») свод. Руководство расчисткой склепа взял на себя офицер Павел Дюбрюкс³.

Три дня усердно трудились солдаты во главе с П. Дебрюксом: расчищали склеп и находившиеся в нем вещи, извлекая их оттуда со всяческими предосторожностями. Работа велась в очень опасных условиях – в любой момент свод и стены склепа могли обрушиться. Дебрюкс, вспоминая об этом, пишет: «...я чуть не сделался жертвою моей страсти к древностям и точности в исполнении поручения г. Стемпковского, приказавшего исследовать склеп и снять с него план. Очень мешали работе сотни любопытных, постоянно толпившиеся вокруг гробницы, нахлынув из Керчи и окрестных деревень, как только весть об открытии сокровищ разнеслась по округе. «Этих любопытных, – продолжает Дебрюкс, – собралось тут несколько сот человек..., они были свидетелями, как... огромный камень, отделившийся от свода... упал на то место, где я находился с двумя работниками несколько минут перед тем и которое было мною оставлено по случаю жаркого спора с офицером, заграждавшим свет, чтобы самому лучше видеть и таким образом спасшим нам жизнь»⁴.

Но несмотря на все эти затруднения, к концу дня 24 сентября работа была в основном закончена.

Внутри гробницы было найдено три человеческих скелета. Главное захоронение принадлежало знатному лицу, возлежавшему в деревянном катафалке. Это был человек очень высокого роста. В отчете Дюбрюкса указано, что длина его бедренной кости равнялась 46,67 см, что соответствует общему росту в более чем 195 см. На голове – остатки остроконечной войлочной шапки в виде башлыка, украшенной многочисленными золотыми нашивными бляшками. На шее – массивная золотая гривна, скрученная в виде жгута из шести толстых проволок; ее концы украшали литые фигурки всадников-скифов. На руках и ногах – изящные золотые браслеты. Вся одежда погребенного была расшита множеством тонких золотых бляшек с самыми разными изображениями. Рядом со скелетом лежали различные предметы вооружения: меч, лук и стрелы в футляре («горите»), бронзовые с позолотой греческие поножи («кнемиды»). Рукоять и ножны меча, а также «горит» были обложены золотыми пластинами с вытесненными на них фигурами борющихся зверей и фантастических животных. Неподалеку от оружия лежали рукоятка нагайки, оплетенная лентой из толстой золотой фольги, точильный камень в золотой оправе и прекрасная золотая чаша, сплошь покрытая фигурными изображениями – многократно повторяющимися мотивами бородатой головы скифа и маски ужасной Медузы Горгоны. Все говорило о том, что погребенный здесь человек был самого знатного происхождения, а, возможно, и скифским «царем».

Рядом с ним, на каменном полу, находился скелет женщины – жены или наложницы главного персонажа. Некогда ее тело покоилось в саркофаге из кипарисового дерева, украшенном резными пластинами из слоновой кости. Часть их орнаментирована поразительными по тонкости и изяществу исполнения рисун-

ками. На пластинах представлены сцены из древнегреческой мифологии («Суд Париса» и др.) и охота скифов на зайцев.

Как и ее повелитель, «царица» была облачена в роскошный наряд, расширенный бесчисленным количеством золотых бляшек. Голову женщины украшала электрическая диадема и две тяжелые золотые «серьги»-подвески в виде двух прекрасных медальонов с изображением богини Афины Девы в шлеме. Здесь же удалось обнаружить и еще две пары других золотых подвесок – подлинных шедевров античного ювелирного искусства. Они сделаны столь миниатюрно и тонко, что детали на них можно рассмотреть лишь через сильное увеличительное стекло. В подвесках одной пары между лепестками розеток размещено по четыре крохотных женских фигурки, которые иллюстрируют сцену из «Илиады» Гомера: морская богиня Фетида и морские божества Нереиды приносят сыну Фетиды, одному из величайших греческих героев Ахиллу оружие, выкованное специально для него богом огня и покровителем кузнечного ремесла – Гефестом⁵.

На шее «царицы» находились ожерелье из золотых бус и тяжелая золотая гривна. Кроме того, здесь же, неподалеку, были обнаружены два широких золотых браслета и бронзовое зеркало с ручкой, покрытой золотым листом со штампованным изображением зверей.

Возле ног погребенной была обнаружена самая выдающаяся находка Куль-Обы – ныне всемирно известный круглодонный электрический (сплав золота и серебра) сосуд с фигурами скифов. С поразительным реализмом и этнографической точностью древнегреческий мастер передал внешний облик скифов, их костюм и вооружение. Изображения на куль-обском кубке впервые позволили получить реальное представление о скифах – этом таинственном, исчезнувшем народе, их физическом типе, одежде и вооружении. Мы видим здесь, что скифы носили длинные волосы, бороды и усы; они – явные европеоиды без каких-либо признаков «азиатчины»; их одежда, сделанная из кожи и льняной ткани, состоит из кафтана с поясом и длинных штанов-шаровар; обуты они в мягкие кожаные сапоги, перехваченные на щиколотках ремешками; на головах – остроконечные войлочные шапки; оружие представлено луком и стрелами, копьями и четырехугольными щитами⁶.

Помимо электрической вазы изображения скифов имелись и на ряде золотых штампованных бляшек из Куль-Обы. Так, в одном случае показаны два обнявшиеся скифа, пьющие из одного рога, или ритона. Перед нами – сцена обряда побратимства, описанного античными авторами. Греческий писатель Лукиан (II в. н.э.) так повествует устами скифа Токсариса об этом обычае:

«Когда кто-нибудь избран в друзья, происходит заключение союза и величайшая клятва – жить друг с другом и умереть, если понадобится, друг за друга. При этом мы поступаем следующим образом: надрезав себе пальцы, собираем кровь с чашу и, обнажив острия мечей, оба держась друг за друга, пьем из нее; после этого нет ничего, что могло бы нас разъединить».

Другие золотые бляшки изображают скифов с горитом на поясе и с чашей в руках, всадника с занесенным копьём, двух скифов, стоящих спиной к спине и стреляющих из луков⁷.

За саркофагом «царя» находился скелет слуги-конюха. Рядом с ним, в специальном углублении лежали кости лошади, греческие бронзовые поножи и греческий же бронзовый шлем. Возле стен склепа стояли два серебряных с позолотой таза и большое серебряное блюдо, а в них – целый набор разнообразных серебряных сосудов (на одном из них – чеканные позолоченные фигуры львов, терзающих оленей; на другом – дикие гуси, ловящие и поедающие рыб). Кроме того, здесь же находились два серебряных ритона и килик – чаша для питья вина.

По обеим сторонам входа в склеп стояли большие бронзовые котлы, а вдоль стен – четыре греческие глиняные амфоры (сосуды для вина). На полу были собраны сотни бронзовых наконечников стрел и несколько железных наконечников копий. Куль-Обская гробница была сооружена в IV в. до н.э.

Легко себе представить, какое впечатление произвели сокровища Куль-Обы на современников. Это была первая находка подобного рода. Вот краткая заметка, напечатанная сразу же, «по горячим следам», 8 октября 1830 года в «Одесском вестнике»:

«Спешим известить читателей наших об археологическом открытии, весьма важном даже в такой стране, которая издавна славится сокровищами древности, скрытыми в ее недрах. Солдаты, заготовлявшие камень для матросских землянок в 6 верстах от Керчи, 22 минувшего сентября открыли на выборке камня с вершины горы, древнее, из огромных камней складенное здание. Когда проникли во внутренность оно, заметили, что это была древняя гробница. В ней найдено множество различных бронзовых, серебряных и золотых сосудов и вещей, коих некоторая часть самой изящной работы и цены по археологическому достоинству и качеству металла... Никогда еще в сем краю не было подобного открытия в отношении к древностям. Золото разных достоинств содержится в них до 8 фунтов...»⁸.

Кто же был похоронен в Куль-Обе с такой поистине царской пышностью? «Первые исследователи – отмечает отечественный археолог И.Б. Брашинский, – высказывали по этому поводу самые различные, взаимоисключающие и порою фантастические предположения. Некоторые полагали, что в кургане был похоронен боспорский царь. Такое предположение казалось естественным, поскольку курган был сооружен в самой непосредственной близости от столицы Боспорского царства Пантикапея. Называли даже имя этого царя – Перисад. Дело в том, что на золотом олене – нащитной (умбон щита) бляхе – процарапаны греческие буквы «ПАΙ», по-видимому, сокращение имени мастера, изготовившего его. Кое-кто из исследователей решил, что эти буквы представляют собой начало имени боспорского царя Перисада I (по-гречески – Пайриссадес), правившего на Боспоре с 349 по 311 гг. до н.э., при котором государство достигло наивысшего могущества.

Однако такое толкование куль-обского захоронения не может быть принято. Дело в том, что здесь во всем видны обряды и черты, свойственные не грекам, а скифам. Боспорские же цари, хотя они, вероятно, и не были чисто греческого происхождения, вели внешне греческий образ жизни, поклонялись греческим богам и т.д. ...»⁹.

Скифские черты видны в Куль-Обе во всем. Царь похоронен не один; вместе с ним лежит его супруга или наложница и слуга, которого умертвили, т.е. принесли в жертву, чтобы он сопровождал своего властелина в потусторонний мир. В могилу было положено оружие, большие запасы пищи (мясо в котлах) и вина, что соответствовало скифским обычаям и верованиям о загробной жизни. Царя сопровождает и его конь. Правда, в склепе оказалась только часть конского скелета, что является отступлением от чисто скифских обычаев. Но не исключено, что в кургане были и отдельные конские захоронения, не открытые пока. Они, как мы увидим, характерны для скифских царских курганов и нередко сопровождаются захоронениями конюхов.

Скифские черты преобладают и в погребальном инвентаре. Не говоря уже о культовых сосудах, прежде всего об электровазе с изображениями скифов. Мы видели, что и большая часть оружия царя, и его праздничный наряд – скифские. Вместе с тем ряд черт куль-обского погребения – греческие: само сооружение каменного склепа, часть предметов погребального инвентаря. Очевидно, перед нами скифский царь, испытавший на себе сильное влияние греческой культуры. Почему он оказался погребенным не в Скифии, а на Боспоре, можно только гадать. Здесь возможны самые различные предположения, ни одно из которых пока не может быть доказано. Куль-Обское погребение относится к последней трети IV в. до н.э.

О неожиданном и блестящем открытии в Куль-Обе надлежало немедленно донести в Петербург царю, поскольку все ценные древности, а в особенности такие уникальные, как куль-обские, должны были доставляться в столицу для «высочайшего обозрения и распоряжения». Однако керченский градоначальник (И.А. Стемпковский) почему-то не спешил с этим, хотя, казалось бы, он сам должен быть заинтересован в скорейшем уведомлении царя о находке сокровищ и доставке их в Петербург. Почему Стемпковский не сделал этого, остается пока неизвестным. Мы теперь можем лишь констатировать тот факт, что еще в середине ноября 1830 г., т.е. спустя почти 2 месяца после открытия, Николай I не имел о нем еще никаких сведений. «Однако через каналы Военного ведомства весть о находке, сделанной с помощью солдат, дошла до Главного штаба и Главноначальствующий всеми военными поселениями генерал от инфантерии граф Петр Толстой доложил о ней Николаю I. Поскольку царь, как сказано, ничего не знал об этом, он был весьма разгневан. Немедленно началось расследование причин «недонесения» о находке... Переписка длится много месяцев! Царь требует ответа... Наконец, 18 февраля 1831 г., спустя пять месяцев после открытия куль-обского погребения, сокровища, обнаруженные в нем, были доставлены мелким чиновником Карейшей в столицу и предстали перед царем для «высочайшего обозрения и распоряжения». Николай был доволен. Еще бы, подумать только – столько золота! Ведь это была первая столь богатая находка не только в России, но и во всем мире. Она была достойным украшением императорского Эрмитажа и сразу же стала жемужиной этого собрания. Подобных древних сокровищ не имел ни один европейский монарх...»¹⁰.

Безвестный чиновник девятого класса Дамиан Карейша, доставивший куль-обские находки, становится героем дня. Царь жалует ему бриллиантовый перстень «за участие в отыскании большей части тех вещей». О Дюбрюксе, истинном герое Куль-Обы, никто и не вспомнил. Карейше Николай велел вернуться в Керчь и продолжить там под руководством Стемпковского раскопки гробниц и на расходы ему было выделено две тысячи рублей.

Блеск сказочных сокровищ из Куль-Обы ослепил всю просвещенную Европу и, особенно, императорский двор в Санкт-Петербурге. Но здесь же выявились и иные, довольно печальные обстоятельства. В ходе раскопок этого «царского» кургана близ Керчи, в одну из ночей оставленная Дюбрюксом охрана самовольно покинула свой пост, чем не преминули воспользоваться местные грабители могил. Они сумели найти и присвоить себе в недокопанной еще гробнице немало ценных вещей, часть из которых с помощью огромных усилий удалось потом вернуть и тоже отправить в столицу.

Именно с исследований Куль-Обы стало абсолютно ясно: охотники за скифскими сокровищами активно действовали в древние времена, не спят они и во времена новые. И это стало подлинным бедствием для изучения скифских курганов. А главная причина этой многовековой охоты грабителей могил за скифскими курганами заключалась в необычайном богатстве скифских захоронений – в обилии в них золота. Русский ученый Г. Боровка писал в этой связи: «Едва ли какая-либо культура, даже «богатые златом Микены», может соперничать со скифами по количеству золота».

Таким образом, именно богатства скифских курганов издавна привлекали к себе внимание искателей легкой наживы. Большинство могил было разграблено сразу же (или вскоре) после их сооружения. Древние грабители прекрасно разбирались в сложной погребальной «архитектуре» скифских курганов, в том числе и самых крупных, высотой до 20 м и более. Они прорывали в таких случаях в твердом грунте длинные ходы-шахты от основания кургана, минуя насыпь, выходили непосредственно на гробницу и в случае удачи уносили самые ценные предметы из золота и серебра. Иногда им не везло: могли рухнуть не выдержавшие многометровой тяжести земли своды шахты и насмерть задавить непрошенных гостей; могли их поймать на месте преступления соплеменники погребенных, и тогда жестокая расправа над теми, кто потревожил вековой сон могил, была неотвратимой. И тем не менее в подавляющем большинстве случаев этим «джентльменам удачи» неизменно сопутствовал успех. В таких ситуациях будущих исследователей гробниц ждало по завершении дорогостоящих и длительных работ полное разочарование.

В начале XX века выдающийся русский археолог М.И. Ростовцев с грустью писал по этому поводу: «Тяжел и часто неблагоприятен труд ученого, открывающего заступом и киркой остатки прошлой жизни. Неделями копают землю десятки рабочих и находят в итоге давно уже разграбленную могилу». А вот и наглядные примеры. В 1865 г. И.Е. Забелин (удачливый исследователь знаменитого «царского» кургана Чертомлык) раскопал 14-метровый курган «Козел», но гробница его оказалась пустой. В 1891–1894 гг. Н.И. Веселовский с боль-

шим трудом добрался до погребальной камеры в центре 20-метрового кургана «Огуз» – одного из крупнейших в Скифии и нашел там лишь жалкие следы исчезнувших сокровищ. И этот список бесконечен. Даже ставшие теперь широко известными «царские» курганы «Толстая Могила» и «Гайманова Могила» на юге Украины вознаградили гигантские усилия современных археологов лишь благодаря скрытым тайникам, где и лежали не замеченные грабителями драгоценные предметы (золотая пектораль – нагрудное украшение и серебряная с позолотой чаша с изображениями скифских вождей).

Таким образом, находка неразграбленного захоронения скифского «царя» или вождя представляет собой большую редкость и становится настоящей сенсацией и для ученых, и для широкой публики. За всю почти 250-летнюю историю раскопок в Северном Причерноморье были обнаружены лишь считанные единицы уцелевших или частично потревоженных гробниц высшей скифской знати: Куль-Оба, Чертомлык, Солоха, Пятибратний курган № 8 у станции Елизаветовской в устье Дона. О некоторых из них и пойдет ниже речь.

АЛЕКСАНДРОПОЛЬСКИЙ КУРГАН

«Александропольский курган в Екатеринославском уезде, близ казенного селения Александрополь, верстах в 60–70 от Днепра..., известный под местным названием Луговой Могилы, – сообщает нам солидное дореволюционное издание «Древности Геродотовой Скифии», – принадлежал к числу значительнейших курганов во всем Новороссийском крае...»¹¹. По разным подсчетам, высота кургана достигала от 17 до 21 м, диаметр – 300 м. Он был обнесен по основанию каменной крепидой, а также кольцевым ритуальным рвом и земляным валом.

«Вид его был конусообразным; вершина, на которой некогда, по рассказам местных жителей, стояла каменная баба, была срезана и представляла площадку шириной 9 сажен (18 м – *В.Г.*). Сооруженная из чернозема и глины, среди ровной степи, на небольшой возвышенности, насыпь эта видна была во все стороны более чем на 25 верст. Вокруг всего кургана шел широкий ров..., обведенный валом вышиною в 11/2 аршина, с двумя промежутками в нем, из которых один находился в восточной, другой с западной стороны»¹².

Поселяне из окрестностей собирались на Луговой Могиле в свои летние праздники, и между ними ходило много преданий об огромных, зарытых в нем, сокровищах. «Сколько известно по слухам, во время добывания из кургана камня, один раз нашли в нем седло, в другой раз два кувшина..., и что какой-то искатель кладов открыл на вершине кургана дубовый гроб с покойником, который опять зарыл тут же».

Осенью 1851 г., когда в Александрополе начали строить церковь и каждый из поселян обязался привезти по одному возу камня для ее фундамента, четверо из них, добывая камень у подошвы кургана с южной стороны, на расстоянии около 2-х сажен (4 м – *В.Г.*) от основания кургана, наткнулись на камни большей величины и, сдвинув их с места, нашли под ними следующие вещи: два

грубых изображения крылатой женской фигуры, стоящей между двумя рогатыми животными; изображения эти сделаны из железа и обложены с лицевой стороны листовым золотом, а с оборотной листовым серебром; железное кольцо, обтянутое листовым золотом; два крючка: один золотой, другой серебряный, острый конец их представляет голову фантастического животного с острым птичьим клювом, а другой конец изображает оленя; две бронзовые фигуры женщины с трубками для насаживания на древко; бронзовый трезубец с трубкой для насаживания и с фигурами птиц на каждом зубце, в клювах которых на колечках висит по колокольчику. По рассказам очевидцев, вещи эти лежали между четырьмя камнями, поставленными на ребро и закрытыми пятым¹³.

Узнав об этой интересной находке, граф Л.А. Перовский в Санкт-Петербурге, заведовавший в то время археологическими изысканиями в России, поручил коллежскому советнику А.В. Терещенко исследовать Александропольский курган, выделив для этого необходимые денежные средства. Однако выбор исследователя оказался крайне неудачным: мелкий чиновник Терещенко не имел ни малейшего представления о методике раскопок больших курганов. Он копал три года (1852–1854 гг.) в разных частях гигантской насыпи, но осязаемых результатов так и не добился, если не считать находок отдельных частей конской сбруи и повозок.

«Веденный им журнал, – отмечают представители Императорской Археологической Комиссии, – так неудовлетворителен, что заставляет, по необходимости, ограничиться здесь лишь приблизительным указанием, где какие вещи были найдены. К этому обстоятельству присоединилось еще и другое, столь же неутешительное. Многие древности, вырытые из Александропольского кургана г-ном Терещенко, утратились, следовательно, проверить правильность названий, данных им в его журнале, нет никакой возможности...»¹⁴. Могил в кургане чиновник так и не нашел.

В 1855 г. работы по исследованию Александрополя поручили директору Керченского музея древностей А.Е. Люценко. Он и довел раскопки до логического конца. Были обнаружены центральная и боковая гробницы и могилы с захоронениями коней. Возле центральной катакомбы в яме, перекрытой бревнами, лежала лошадь в полном снаряжении. Узду украшали четыре золотые рельефные бляхи с изображениями быка, льва, птицы и гиппокампа; на лбу находилась надета на ремень бляха со скульптурной головой лошади; железные удила были украшены на концах золотыми розетками; на конской шее оказалось пять бронзовых блях, шесть бубенцов и пять подвесок в виде полумесяцев и т.д.; на спине находились остатки седла в виде золотых фигурных пластин, которыми оно было обложено по передней и задней луке. Здесь же, с правой стороны седла, висел деревянный с бронзовой оковкой колчан с 45 стрелами.

Центральная камера Александропольского кургана служила для погребения дважды. В первый раз в нее был положен покойник через короткий вход, а затем через какое-то время к первому погребенному присоединили и второго. И поскольку гробница была уже накрыта курганной насыпью, вход в нее пришлось вырыть далеко от камеры, в поле кургана, и проложить длинный подзем-

ный коридор, использованный затем для помещения сопровождающих второго умершего слуг и лошадей.

Вторая могила вырыта в северо-восточной поле насыпи. Она состояла из входной ямы значительных размеров, коридора и округлой в плане погребальной камеры. Во входной яме найдены остатки окованной железом повозки и множество золотых ажурных бляшек, пуговок и бус, служивших ее украшениями. На полу камеры лежал скелет женщины, ориентированный головой на северо-запад. Возле нее обнаружены золотые бляшки, пуговицы, трубочки и голубые бусы с глазками, серебряное веретено. Слева от останков стояли две глиняные греческие амфоры.

Обе гробницы (центральная и боковая) были разграблены в древности с помощью подземных ходов. Причем грабителям пришлось немало потрудиться, прежде чем они добрались до спрятанных сокровищ. В северо-западной части кургана открыты два подземных хода, начинающихся от подошвы насыпи. Они шли параллельно и спускались на глубину 8,5 м – до уровня подземных вод. Длина ходов достигает 38 м. Убедившись, что ошиблись в расчетах, искатели золота бросили эти ходы и приступили к рытью нового, начав его из входной ямы второй камеры в северо-восточной поле кургана. В результате они попали в боковую (женскую) гробницу, но не удовлетворившись ее скромным содержанием, направили свой ход дальше к центру кургана в поисках главного захоронения.

Общая длина этого хода – до 52 м. Прорезав материк под курганной насыпью далеко за ее середину, воры повернули почти под прямым углом на юго-восток и опять ничего не нашли. Они бросили свою «шахту», не дойдя всего 6,5 м до гробницы, и заложили новый ход недалеко от круглой камеры с женским погребением. Посредством его грабители попали в длинный коридор с многочисленными конскими захоронениями в богатых уборах и, обобрав лошадей, незасыпанных обвалом потолка, вышли на центральную могилу с двумя покойниками. После ограбления в ней, кроме разбросанных костей мужского и женского скелетов, найдено до 700 золотых нашивных бляшек и мелких украшений, обломки железного чешуйчатого панциря, каждая чешуйка которого была обложена золотым листом, обломки костяного ларца и части костяного веретена.

С умершим, внесенным в гробницу через вторую входную яму, связано захоронение не менее чем 14 лошадей, положенных вдоль длинного коридора, ведущего из ямы в могильную камеру. Часть из них оказалась ограбленной, некоторые же, присыпанные ранее обвалом свода, сохранились нетронутыми. Все кони имели богатые уздечные наборы. У одной из лошадей на лбу находилась серебряная бляха, а ниже ее – золотой налобник в форме головки львиного грифона, около глаз помещались по золотой бляхе в виде лежащего льва; на местах соединения уздечных ремней, возле рта и ушей, прикреплены были четыре золотые бляхи с изображениями человеческой головы, окруженной семью головами быков; ремни были унизаны чередующимися золотыми и серебряными пластинками с растительным орнаментом и фигурой скифа на коне, охотящегося за зайцем (сравни бляхи из Куль-Обы). У другой лошади бляшка-

ми была украшена не только узда, но и ошейник. У третьей на шее оказалось пять серебряных узорчатых блях, шесть золотых бус, колокольчики и лунницы на цепочках. Наконец, у четвертой лошади среди уздечных блях четыре имели изображение скачущего всадника, две – с грифонами, ставшими на задние лапы, на лбу – круглая бляха с фигурой богини Афины в полный рост и с совой у ног; концы удила украшены двумя круглыми серебряными бляхами с женской головкой; к узде подвешены 11 бубенчиков и три ворворки от кистей. Ошейник был покрыт ажурными золотыми пластинами с изображением грифонов, терзающих оленя и кабана. По концам ошейника находились широкие полуовальные золотые бляхи с фигурами двух грифонов, поднявшихся на задние лапы, и грифона с гиппокампом, нападающих на пантеру.

Среди перемешанных лошадиных костей в глубине коридора также было собрано множество конских украшений, из которых следует особо отметить 7 фигурок пантеры, вырезанных из тонкого листового золота, ряд блях с розеткой посередине и четырьмя кабаньими головами по сторонам, бронзовую позолоченную бляху с бюстом богини Артемиды с колчаном и пару золотых пластин в виде головы Медузы Горгоны.

Уздечные наборы Александропольского кургана являются наиболее выдающимися в Скифии по роскоши и художественному мастерству¹⁵.

В самом конце коридора, у входа в центральную погребальную камеру, лежал скелет «слуги» – молодого мужчины с двумя серебряными серьгами, бронзовой спиральной гривной на шее и железным браслетом на правой руке. Неподалеку от него стоял бронзовый таз с лежащей в нем бронзовой вазой.

Несмотря на ограбление, количество и ценность вещей, найденных в потревоженных могилах Александропольского кургана, общая пышность ритуала и грандиозные размеры погребального сооружения (насыпь 20 м высотой и 300 м в диаметре, каменная крепида, ров и вал) свидетельствуют о том, что он явно принадлежит к группе истинно царских захоронений высшей скифской знати – таких как Куль-Оба, Чертомлык и Солоха. Вместе с тем, есть основания говорить о его более молодом возрасте в пределах IV века до н.э. Мнения ученых здесь несколько расходятся. Так, известный отечественный ученый М.И. Артамонов, ссылаясь на изображение фигуры Афины на конском налобнике, относит время сооружения кургана к 300 г. до н.э. Скифолог из Санкт-Петербурга А.Ю. Алексеев на основе керамического материала (амфоры) из обеих катакомб рассматриваемого памятника датирует Александрополь последними десятилетиями IV – рубежом IV–III вв. до н.э. Наконец, в 2004–2005 гг. Скифская украинско-американская экспедиция частично исследовала остатки поминальной тризны (в районе западного прохода во рву) и, собрав там обломки 157 греческих амфор (из них 25 – с клеймами), пришла к выводу, что курган был сооружен в пределах третьей четверти IV века до н.э., т.е. в 350–325 гг. до н.э.¹⁶

Ряд интересных особенностей в материалах, найденных в кургане, отметил А.Ю. Алексеев. «Этот памятник, – пишет он, – и прежде всего его центральная катакомба, оказывается почти синхронным Чертомлыцкому кургану, значительно отличаясь от него и от большинства других степных «царских» захоронений

второй половины IV в. до н.э. составом, формой и декором ряда изделий, некоторых украшений повозки и конской сбруи, обкладками деревянных сосудов, зооморфными крючками и др. ... Отсюда следует, что особенности Александропольского кургана не могут объясняться исключительно более молодым возрастом его погребений, но скорее – присутствием вещей, выполненных в манере, характерной для соседних и отдаленных областей, например, Воронежского Подонья. Некоторые изделия (например, фалары из первичной конской могилы) украшены изображениями в стиле, вообще не находящем близких аналогий в Восточной Европе»¹⁷.

Антропологические материалы, проанализированные Б.В. Фирштейн, также демонстрируют отличие черепов «главных» погребенных от скифской приднепровской краниологической серии, хотя эти данные в настоящее время должны быть проверены.

Эту тему А.Ю. Алексеев развивает и позднее. «В Александропольском кургане (последняя четверть IV в. до н.э.) обнаружены крючки с зооморфными изображениями, накладки на деревянные сосуды, находящие ближайшие аналогии в районе Воронежского Подонья...»¹⁸.

В последнее десятилетие масштабные исследования давно раскопанного* гигантского кургана осуществил известный украинский археолог С.В. Полин. «Благодаря стечению обстоятельств в 2004 г. удалось открыть остатки околокурганной тризны..., где впервые представилась возможность ее исследования в полном объеме, поскольку в силу уникальных причин остатки тризны оказались дважды законсервированными: первый раз после окончания погребальных церемоний в скифское время, они были закрыты метровой толщей околокурганного вала и в 1852–1856 гг. были дополнительно перекрыты толщей отвала грунта, вывозившегося с кургана...»¹⁹. Работы велись в течение шести полевых сезонов (2004–2009 гг.), и в результате удалось определить, что «остатки могучей поминальной тризны Александропольского кургана находились за пределами рва и залегали вдоль западной стороны кургана широкой дуговидной полосой шириной около 15 м на протяжении до 110 м. Характер распространения остатков тризны на протяжении полосы был неравномерным...»²⁰. Например, возле западного прохода (кольцевого рва и вала) шел сплошной слой фрагментов амфор и костей животных. Далее, к северу и югу высокая концентрация находок наблюдалась только возле человеческих погребений (каковых было вскрыто 11). В целом, площадь распространения поминальной тризны составляла 2491,8 м². Большую часть тризны образовывали фрагменты амфор из 13 различных греческих центров – производителей амфорной тары, с которыми связаны 51 амфорное клеймо. Благодаря этому исследователь смог уточнить датировку кургана – в пределах третьей четверти IV в. до н.э., около 340–330 гг. до н.э. (подробнее об амфорах Александрополя см.²¹). Костей животных бы-

* Александропольский курган (Луговая Могила) был раскопан полностью (включая насыпь) по инициативе петербургских властей в 1852–1854 гг. (А.В. Терещенко) и в 1855–1856 гг. (А.Е. Люценко).

ло значительно меньше. По определению палеозоологов, здесь представлены кости лошадей, быков, овец и коз, свиньи домашней, собак, а из диких животных – благородных оленей. Встречены и немногочисленные металлические предметы: бронзовые и железный наконечники стрел, бронзовые колокольчики и уздечная бляха, железные удила и псалии, гвозди, скобы. «Впервые в составе поминальной тризны было найдено скопление мелких золотых нашивных аппликаций. Вероятно, в процессе отправления поминальной тризны здесь было брошено женское покрывало или накидка. Три типа таких аппликаций были найдены в Центральной гробнице кургана в 1855 г.»²².

В границах распространения тризны удалось открыть 11 человеческих захоронений – в неглубоких ямах и с минимальным количеством сопровождающих вещей. В большинстве могил захоронены мужчины в возрасте 20–55 лет, в двух – дети 3–5 и 10–14 лет и в одной – женщина 25–35 лет. И здесь выявилась одна интересная деталь погребальной церемонии. «Найденные в нескольких погребениях по 1–2 наконечника стрел первоначально рассматривались нами в качестве сопровождающих вещей, перемещенных грызунами. Но находка в погребении № 6 железного наконечника стрелы, застрявшего в толще черепной кости, заставила изменить это мнение. Все наконечники найдены среди костей скелетов, что, по-видимому, указывает на их нахождение в тканях тел. Вероятно, в процессе отправления тризны производился своеобразный «отбор» (точнее, отстрел) кандидатов для сопровождения верховного царя в мир иной...»²³. Открытие этой грандиозной поминальной тризны за пределами кольцевого рва явилось важным событием не только для изучения Александропольского кургана, но и для всей скифской курганной археологии в целом.

Теперь несколько общих сведений о кургане. Александропольский курган (иначе Луговая Могила) находится севернее Чертомлыка, примерно на середине расстояния между Никополем и Днепропетровском, в 65 км от Днепра, близ селения Александрополь. В прошлом это была одна из самых величественных насыпей в Причерноморских степях: она превышала в высоту 21 м, окружность ее равнялась 320 м. По подошве курган был обнесен крепидой из огромных камней; его окружал широкий ров с двумя перемычками-проходами с восточной и западной сторон и вал высотой около 1 м. Но значение и необычность Александропольского кургана на этом не заканчиваются. Своеобразие его состоит главным образом в том, что в насыпи и в гробницах Александрополя было обнаружено немало вещей, имеющих сходство с изделиями из довольно удаленных регионов Большой Скифии, таких как Средний Дон с его широко известными курганными некрополями типа Частые Курганы и Мاستюгино на Воронежщине. Исследователи (М.И. Ростовцев, А.Ю. Алексеев) уже давно обратили внимание на данный факт, но говорили об этом в самых общих чертах. Перечислим ниже эти «среднедонские» черты в вещевом комплексе Александрополя.

1. Золотой и серебряный крючки-застежки с фигурой оленя на широком конце и головой ушастой хищной птицы (орлиноголового грифона) – на узком²⁴. Полной аналогией этим драгоценным изделиям может служить бронзовый крючок с оленем и грифоном из кургана № 12 Частых Курганов (раскопки ВУАК)²⁵.

Лучший знаток скифского искусства в наши дни А.Р. Канторович пишет по этому поводу в своей докторской диссертации следующее: «Александропольские крючки, возможно, также являются репликой с изображений типа фигур из Частых Курганов, но высококачественной, с усложнением акцентирования лопатки... Близкое александропольским изображение на крючке из кургана 12 группы Частых»²⁶. Но важно здесь не только стилистическое сходство в трактовке фигуры оленя. Дело в том, что зооморфные металлические крючки-застежки описанного выше типа ни в степной, ни в лесостепной Скифии не встречаются ни в одном из тысяч раскопанных там курганов. А на Среднем Дону в погребениях V–IV вв. до н.э. подобные изделия насчитываются десятками²⁷, и эта категория вещей считается локальной чертой среднедонской скифской культуры.

2. Золотые обкладки деревянных сосудов.

а) Сосуд с вертикальной ручкой в виде золотой фигурки кабана²⁸. Деревянные чаши, оправленные в золото и с вертикальными ручками в виде фигур животных и хищных птиц, были широко представлены в культуре ранних кочевников, обитавших от Дона до Алтая. И если точной аналогии для александропольского сосуда с ручкой-кабаном пока найти не удалось, то весьма близкие формы чаш с ручками в виде хищников (медведей, волков) и хищных птиц (орлов, соколов) в большом количестве найдены в тайнике № 1 кургана № 1 Филипповского могильника в Южном Приуралье²⁹. Есть похожие чаши с зооморфными вертикальными ручками из золота по деревянной основе и на Среднем Дону: курган № 11, Частые Курганы (раскопки П.Д. Либерова) – деревянная чаша с золотой ручкой в виде сокола и золотой пластиной с фигурой оленя³⁰. Возможно, один такой деревянный сосуд в золотой оправе и с ручкой (вертикальной) в виде золотой фигурки кабана находился когда-то еще в одном элитном скифском кургане – Хоминой Могиле в степном Приднепровье. Но после опустошительного ограбления в древности археологам удалось обнаружить только ручку в виде полой золотой фигуры кабана, состоящей из двух половинок³¹.

б) Деревянный сосуд с золотыми обкладками и с одной горизонтальной ручкой в виде головы лошади³². Точно такая же деревянная чаша, оправленная в золото и с ручкой в виде головы лошади на длинной шее, происходит из тайника № 1 кургана № 1 в уже упоминавшейся Филипповке в Южном Приуралье³³. На Среднем Дону также встречаются деревянные чаши с горизонтальными ручками (обычно с двумя) и часто в зооморфном оформлении – все с золотой обивкой.

в) Деревянный сосуд с золотой оковкой в виде двух лошадиных голов (горизонтальные ручки?)³⁴. Точно таких же деревянных чаш в золотой оправе и с двойной ручкой в виде лошадиных голов пока нигде больше не найдено. Но в той же Филипповке (курган № 1, тайник № 1) есть немало деревянных чаш в золотой оправе и с одной горизонтальной ручкой, например, в виде головы хищника³⁵.

Надо сказать, что деревянные чаши с золотыми оковками из Александрополя специально рассмотрела в свое время старейший сотрудник Государственного Эрмитажа, великолепный специалист по скифским древностям и ученица М.И. Ростовцева Анастасия Петровна Манцевич. Она пишет: «Золотые наклад-

ки от сосудов известны также из Луговой Могилы (Александрополь). Это украшения четырех шаровидных чаш с горизонтальными ручками, похожие на мордвинский (имеется в виду 1-ый Мордвинский курган в Степной Скифии – *В.Г.*) и из 2-го Воронежского кургана сосуды. Один из сосудов (рис. 3, 1) имел ручку в виде кабана, стоящего на пластине с ажурным краем, украшенным выпуклыми точками; голова кабана несколько выступает над краем чаши. Верхний край пластины, в которой уцелел золотой гвоздик, огибал край чаши толщиной 5 мм. По всей видимости, той же чаше принадлежали три накладки края сосуда, также окаймленные рядом выпуклых точек. Они имеют вид четырех завитков и прорез посередине (рис. 3, 2)... Чаша, вероятно, имела округлое дно. Ее диаметр 20–25 см, высота 10–12 см... От второй чаши сохранилась накладка полуовальной формы с ручкой в виде головы лошади (рис. 3, 4) (ДГС, Атлас I, таб. XII, 1–2; таб. VI, 1). Верхним, слегка загнутым краем накладка закрывала венчик. Край пластины украшен выпуклыми точками и имеет отверстия для гвоздей. Слабый изгиб пластины и толщина борта (1 см) указывают на значительные размеры, форма которого была подобно форме первой чаши. Диаметр, определяемый по кривизне, около 30 см, высота – приблизительно 20 см. Третья чаша, от которой уцелела лишь накладка борта, состояла из трех, хорошо пригнанных частей и имела ручку в виде двух лошадиных голов... Чаша имела слегка выпуклые стенки и, вероятно, округлое дно. Диаметр ее 10,5 см, высота – около 10 см... Другие накладки из того же кургана принадлежали двуручным кубкам типа мордвинского... (рис. 3, 8–9) (рис. 3, 10). Третьему кубку принадлежала накладка, украшенная рельефным изображением фигуры хищника...: большая, опущенная вниз голова, короткие, широко поставленные задние лапы зверя, как бы готовящегося к прыжку. Пластина была прикреплена к борту сосуда золотыми гвоздями с большими полушаровидными шляпками (рис. 3, 11)...»³⁶. Хищник, о котором говорит А.П. Манцевич, это – медведь. И полной аналогией форме данного сосуда (чаша с двумя горизонтальными ручками) и штампованному золотому украшению ручки с фигурой хищника служит золотая обивка деревянного сосуда (с медведем) из кургана № 1 группы Частых Курганов под Воронежем (раскопки ВУАК)³⁷. «Таким образом, – подводит итог своему анализу А.П. Манцевич, – как в Солохе, так и в Александропольском кургане представлены одни и те же типы сосудов: чаши и двуручные шаровидные кубки»³⁸. Но точно такие же формы деревянных в золотой оправе сосудов – чаши с округлым дном и двуручные шаровидные кубки – были характерны и для среднедонских курганов скифского времени – Частых и Мاستюгинских. На это прямо указывает и А.П. Манцевич, основываясь на старых материалах из раскопок А.А. Спицына, Н.Е. Макаренко и ВУАК, хранившихся в Государственном Эрмитаже³⁹.

Не менее интересны прямые совпадения формы золотых пластин, украшавших венчик и верхнюю часть чаши с вертикальной ручкой-кабаном из Александропольского кургана и золотых оковок деревянной чаши из кургана № 2 группы Частых Курганов (раскопки ВУАК). «Совершенно сходная оковка, – пишет С.Н. Замятнин – имеется в Александропольском кургане»⁴⁰. Близкие по стилю золотые оковки деревянных сосудов с вычурными волютами в нижней части най-

дены в немалом числе в тайнике № 1 кургана № 1 в Филипповке в Оренбургской области⁴¹, а также на Нижнем Дону в кургане № 2 погребении № 3 у Азова⁴².

3. Железный пластинчатый панцирь с нагрудной частью, покрытой (каждая пластина) толстой золотой фольгой (фрагменты его найдены в центральной гробнице). «Покрытие золотом железных и тщательная полировка бронзовых пластин, – отмечает известный украинский археолог Е.В. Черненко, – преследовали не только декоративные цели... Панцири с золотым набором могли быть и знаком отличия крупного военачальника...»⁴³. В самых разных областях Большой Скифии за два с половиной столетия археологических раскопок было найдено всего шесть доспехов подобного рода: Куль-Оба в Крыму, Елизаветинский курган № 4 в Прикубанье, Семибратний курган № 2 (Прикубанье), курган Патиниотти (Крым) и еще два панциря на Среднем Дону: в Частых Курганах (курган № 2) и в Мастюгинских (курган № 11/16). Следовательно, наличие этих «золотых доспехов» свидетельствует о присутствии в IV в. до н.э. на Среднем Дону по крайней мере двух крупных военачальников⁴⁴.

4. Железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел – 2 экземпляра (один найден в насыпи, другой – в черепае мужчины, убитого во время совершения поминальной тризны возле Александропольского кургана). Подобные (железные) наконечники абсолютно нехарактерны для скифского населения Степного Приднепровья в IV в. до н.э.: и в рядовых, и в «царских» курганах мы встречаем только бронзовые наконечники стрел. С другой стороны, в колчанах среднедонских воинов железные наконечники явно преобладают над бронзовыми. В 2004 г. Е.И. Савченко привел данные о 3520 железных наконечниках, известных ему из курганов и городищ Среднего Дона⁴⁵. А.И. Мелюкова считает, что именно Средний Дон является местом происхождения железных втульчатых наконечников стрел⁴⁶.

5. Золотые нашивные бляшки на одежду и погребальный полог. Несмотря на опустошительное ограбление всех захоронений Александропольского кургана, только в Центральной гробнице, среди разбросанных костей мужского и женского скелетов, А.Е. Люценко нашел свыше 700 золотых нашивных бляшек и мелких украшений. Немало золотых бляшек, пуговиц и трубочек было обнаружено и в боковой (женской) могиле. И те, и другие имеют самые разные размеры, формы и орнаменты, которые находят многочисленные аналогии в вещевых комплексах других курганов высшей знати Степной Скифии IV в. до н.э.: розетки, цветы, треугольники, четырехугольные с изображением орлиноголовых грифонов (идущих или стоящих друг против друга в геральдической позе). Но среди этой массы мелких золотых украшений я хочу сразу же выделить один тип – золотые продолговатые бляшки с головой кабана на конце. В элитных скифских могилах, кроме Александрополя, такие украшения (да и то в довольно небольшом количестве) встречены лишь однажды – в Деевом кургане в Степном Приднепровье⁴⁷.

Совершенно иную картину мы видим в богатых погребальных комплексах Среднего Дона конца V – IV вв. до н.э. Такие нашивные бляшки с головой кабана на конце найдены почти во всех исследованных там могильниках: Частые

Курганы (курганы № 9 и № 11), Мастогино (курган II, или № 29/21), Дуровка (курган № 1), Колбино (курган № 18, впускное женское погребение № 2). Причем, при раскопках Колбинского некрополя нам впервые удалось обнаружить нетронутое грабителями богатое женское захоронение. «На верхней части грудной клетки, вплотную к черепу, – пишет Е.И. Савченко, – лежало нагрудное украшение (вероятно, типа пекторали?), состоящее из органической основы (возможно, кожи), на которую были нашиты подпрямоугольные объемные штампованные нашивные золотые бляшки (сделанные из тонкой фольги) в виде голов кабанов (74 экз.) (рис. 40, 4). На боковой поверхности «кабанчиков» видны отверстия для пришивания к основе. *In situ* сохранился лишь верхний ряд – 18 экз. (остальные смещены грызунами). Судя по количеству бляшек, таких рядов должно быть не менее четырех»⁴⁸. Всего к настоящему времени из среднедонских курганов скифской эпохи известна 101 золотая нашивная бляшка с головой кабана (реже – с двумя головами на обоих концах).

Учитывая крайнюю редкость находок подобного рода в курганах высшей знати Степной Скифии и массовый характер использования такого рода украшений в погребениях Среднего Дона, нельзя не прийти к выводу о неслучайности присутствия в Александрополе целого ряда «воронежских» или «среднедонских» элементов в вещевом комплексе этого «царского» кургана. Что касается других типов золотых бляшек («бантики», «тройнички», «лотосы», «треугольники с зернью», «розетки»), то они широко представлены в богатых могилах всех областей Скифии (степной и лесостепной), включая и Средний Дон.

«Большое количество и ценность вещей, найденных в ограбленных могилах Александропольского кургана, свидетельствуют, что содержимое их не уступало ни Чертомлыку, ни Солохе. По типу погребений Александропольский курган также не отличался от других... «царских» могил Приднепровской Скифии»⁴⁹. И все же, анализ погребального инвентаря (и останков «главных» покойников) говорит о необычности и своеобразии этого гигантского кургана, что, несомненно, выделяет его на фоне остальных трех «царских» курганов Скифии – Солохи, Чертомлыка и Огуза.

Выделяет Александрополь и его конечная печальная судьба. «А.Е. Люценко, уже в ходе раскопок готовивший полную публикацию кургана, потерял все написанное и свои архивы по раскопкам в огне пожара на его квартире в Екатеринославе. Повторно возобновить утраченное он не взялся, несмотря на предложение Председателя Имперской Археологической Комиссии С.Г. Строганова. Предполагавшееся роскошное издание материалов Александропольского кургана по образцу Древностей Боспора Киммерийского увидело свет в гораздо более скромном виде и было подготовлено И.Е. Забелиным по рапортам А.В. Терещенко и А.Е. Люценко в виде отчета»⁵⁰.

Однако на этом беды кургана не кончаются. Правда, все найденные в XIX в. вещи попали в Петербург, в Императорский Эрмитаж, и благополучно пережили и Первую мировую войну, и Октябрьскую революцию, и полтора десятилетия советской власти. Но в 1932 г., по запросу Украины, «почти все находки из Александропольского кургана вместе с некоторыми другими скиф-

скими коллекциями Эрмитажа были переданы в Харьковский исторический музей. При эвакуации музея во время Великой Отечественной войны часть из них несомненно погибла*. В Эрмитаже в настоящее время хранится лишь наносник (в виде протомы лошади – *В.Г.*) и фалар-розетка...»⁵¹.

Какие же общие выводы можно сделать после рассмотрения изложенных выше фактов? Прямые исторические реконструкции на основе чистой археологии – вещь спорная и ненадежная. Но существует логика общих рассуждений, когда к выдвигаемой гипотезе привлекаются все доступные источники. Прежде всего, напомним уже цитировавшиеся выше слова А.Ю. Алексева: «...Особенности Александропольского кургана не могут объясняться исключительно более молодым возрастом его погребений (А.Ю. Алексеев датирует их 320–300 гг. до н.э. – *В.Г.*), но скорее – присутствием вещей, выполненных в манере, характерной для соседних и отдаленных областей, например, *Воронежского Подонья* (курсив мой. – *В.Г.*)»⁵². В другой своей работе этот исследователь высказывает довольно смелую для конца 80-х годов прошлого века гипотезу. «В кургане 3 группы Частых Курганов под Воронежем (вторая половина IV в. до н.э.) был обнаружен известный серебряный сосуд, изображения на котором воспроизводят генеалогическую легенду. Сам по себе факт нахождения такого сосуда на территории распространения скифоидной культуры не столь уж удивителен. Важным мне кажется другое – появление во второй половине IV в. до н.э. на широкой территории и на значительном удалении (Куль-Оба – «Частые Курганы») сосудов с изображениями, призванными подчеркнуть, среди прочего, и единство происхождения скифского народа. И если принять во внимание сообщение Геродота о существовании где-то на северо-востоке Скифии области скифов, некогда отделившихся от «царских», а также вероятную локализацию этих скифов именно в области воронежских курганов, можно реконструировать попытку консолидации родственных этнических групп, удивительно близких по материальной культуре, в конце IV в. до н.э. Могильники скифоидной культуры Среднего Подонья прекращают свое существование одновременно с могильниками приднепровских скифов – на рубеже IV–III вв. до н.э.»⁵³.

Эта идея вступила тогда (1987 г.) в противоречие с мнением большинства отечественных скифологов, которые после Всесоюзной конференции по скифосарматской археологии в 1952 г. приняли концепцию Б.Н. Гракова и А.И. Мелюковой о том, что собственно скифам принадлежали лишь степные области Северного Причерноморья, а в лесостепной зоне обитали нескифские (перечисляемые Геродотом) племена андрофагов, невров, меланхленов, будинов, гелонов и др. Таким образом, лесостепное Подонье было выведено из пределов Скифии и отдавалось то будинам и гелонам, то меланхленам, то даже савроматам (П.Д. Либеров, Б.А. Шрамако, Б.Н. Граков, А.П. Медведев, К.Ф. Смир-

* Погибла, видимо, не вся коллекция, хотя эшелон с александропольскими вещами был разбомблен немецкой авиацией и частично сгорел. Во всяком случае, по свидетельству украинского археолога Л.И. Бабенко, какие-то отдельные предметы из Александрополя все же уцелели и хранятся сегодня в двух музеях г. Харькова (Бабенко Л.И., 2012, с. 22–27).

нов, В.Е. Максименко и др.). Были и стойкие оппоненты этим взглядам в лице археологов А.И. Тереножкина и В.А. Ильинской, отстаивающих концепцию, выдвинутую еще в начале XX в. М.И. Ростовцевым. Суть ее в том, что в I тыс. до н.э. в Северном Причерноморье (и в степи, и в лесостепи) от Дуная до Дона существовало мощное военно-политическое объединение во главе с пришедшими «из глубин Азии» (как говорил Геродот) ираноязычными кочевниками-скифами, подчинившими себе жившие там прежде племена фракийцев, предков балтов и славян, финно-угров и др.

Следует особо подчеркнуть, что к древностям Среднего Дона неоднократно обращались ранее два крупнейших археолога России – М.И. Ростовцев и А.А. Спицын. Для обоих скифская принадлежность воронежских погребальных комплексов (у с. Мастюгино и в Частых Курганах) представлялась бесспорной. А.А. Спицын намеренно включил курганы Среднего Дона в Полтавскую группу, приписываемую им скифам-пахарям. «Сюда, – пишет он, – примыкают древности Харьковские, Черниговские и Воронежские. Скифы на восток (или в обратном направлении) двигались явно по линии лесостепи»⁵⁴.

М.И. Ростовцев специально обращался к среднедонским курганным материалам как в своих общих работах, так и в специальных трудах по скифской археологии. В своем фундаментальном исследовании «Скифия и Боспор» он отмечает: «Здесь укажу на то, что по инвентарю группа воронежских курганов* всецело принадлежит к той группе скифских погребений эпохи расцвета, к которой принадлежит и большинство курганов степной приднепровской группы»⁵⁵. И затем со свойственной ему тонкой проницательностью М.И. Ростовцев отмечает глубокое родство аристократических погребений скифской эпохи в степной и лесостепной (включая Средний Дон) частях Европейской Скифии. «В ближайшем сходстве с Солохой открыты однородные, одновременные и очень богатые курганные погребения в знаменитом Чертомлыке, в Александропольском кургане..., в 1-ом Мордвиновском кургане... Ту же картину в Придонье дает ряд курганов в урочище Частые Курганы около Воронежа и некоторые курганы около станицы Елизаветовской в устье Дона...»⁵⁶.

С тех пор количество исследованных археологических памятников скифской эпохи на Среднем Дону возросло многократно. На сегодняшний день мы имеем свыше 250 погребений V–IV вв. до н.э., и число это постоянно растет. Тем не менее основной вывод великого русского ученого о едином военно-политическом объединении – Европейской Скифии (в границы которой входили и степные и лесостепные области Северного Причерноморья, от Дона до Дуная, включая и Лесостепное Подонье), во главе которой стояло наиболее могущественное племя кочевников скифов-иранцев – остается в силе и подтверждается все новыми фактами.

В 70-х годах XX в. А.П. Манцевич после тщательного анализа находок из курганного могильника у с. Мастюгино, расположенного в 65 км к югу от Воро-

* М.И. Ростовцеву были известны только курганы у с. Мастюгино и Частые Курганы (раскопки А.А. Спицына, Н.Е. Макаренко и ВУАК).

нежа (коллекции дореволюционных раскопок А.А. Спицына и Н.Е. Макаренко, хранящиеся в Гос. Эрмитаже), пришла к выводу, практически повторяющему уже упоминавшиеся высказывания академика М.И. Ростовцева. «Самые тесные культурные и экономические связи населения Среднего Дона с обитателями Каменского городища (на Нижнем Днепре, близ г. Никополя. – В.Г.), областью «царских» курганов степного Поднепровья (Солоха, Огуз, Мордвинов, Чмырева могила, Малая Лепетиха, Шульговка), – пишет она, – засвидетельствованы уникальными художественными предметами... Из всех курганов, исследованных в Мастюгинском могильнике, II курган (№ 29/21 по П.Д. Либерову. – В.Г.) дает наиболее яркую картину широких связей населения Среднего Дона с окружающими племенами. Инвентарь захороненных в нем лиц мало чем отличается от инвентаря представителей богатой верхушки Скифии и Боспора...»⁵⁷.

Здесь можно лишь добавить, что две пары бронзовых с позолотой греческих поножей (курганы № 2 и 3, с. Мастюгино, раскопки Н.Е. Макаренко) сходны с кнемидами скифских «царских» захоронений в Куль-Обе (Крым) и Ильинцах (Лесостепное Приднепровское Правобережье); золотые серьги с фигурой богини Кибелы, сидящей на львах (курган № 5, с. Мастюгино), находят ближайшую аналогию в ювелирных изделиях из «царского» степного кургана Толстая Могила (степное Приднепровье), где была обнаружена уникальная золотая пектораль. И этот список по мастюгинской коллекции можно было бы продолжить и дальше. Не меньше таких знаменательных параллелей с погребениями высшей скифской знати встречается среди материалов других среднедонских курганных могильников, изучавшихся последние несколько десятилетий (раскопки П.Д. Либерова в Частых Курганах, раскопки А.И. Пузиковой могильников у с. Дуровка и с. Русская Тростянка). Но я приведу еще только два наиболее ярких примера из недавних находок Донской археологической экспедиции, проводившей с 1993 по 2007 гг. спасательные раскопки гибнущего курганного могильника V–IV вв. до н.э. близ сел Терновое и Колбино в 90 км южнее Воронежа.

В 1997 г. в кургане № 18 у с. Колбино мы нашли неграбленное впускное погребение знатной пожилой женщины, среди личных украшений которой особенно выделяются золотые серьги с фигурами пантер. Единственную аналогию им составляют золотые серьги с такими же (но крылатыми) хищниками из захоронения скифской «царицы» в кургане № 4 у с. Рыжановки под Киевом третьей четверти – конца IV в. до н.э.⁵⁸.

В 1998 г. в кургане № 7 близ того же с. Колбино в шатровом деревянном склепе, поставленном под насыпью на древнем горизонте, был обнаружен железный меч с рукоятью, обтянутой тонким золотом со штампованными изображениями фигур оленя и орлиноголовых грифонов в геральдической позе. Рядом лежала оплетка рукояти нагайки из толстой золотой фольги и свыше 50 нашивных бляшек от погребального полога (на них – изображение лошади или кулана). Мечи с точно таким же оформлением рукоятей были встречены до сих пор на территории Скифии лишь трижды: в «царском» кургане Чертомлык (в степном Приднепровье), в кургане № 8 Пять Братьев (у станицы Елизаветовской на Нижнем Дону) и в кургане № 11 в могильнике Старый Мерчик (на Харьковщине)⁵⁹.

Таким образом, совершенно очевидно, что высшие круги скифской знати (видимо, представители правящего царского рода из племени скифов-«царских») пользовались в качестве символов власти и своего высокого социального статуса одинаковым набором престижных вещей – горитами с золотыми украшениями, парадными обтянутыми золотом мечами, нагайками, гривнами, ритонами и шаровидными кубками и т.д. Не исключено, что на изготовлении именно этих предметов специализировались определенные мастера и ремесленники, как среди скифов, так и в греческих припонтийских городах.

Не подлежит сомнению, что в грандиозном Александропольском кургане покоился один из великих «царей» Скифии. Курган находится в Степном Приднепровье в окружении других не менее внушительных захоронений высшей скифской знати: Чертомлык, Толстая Могила, Краснокутский курган и др. По своему устройству, пышному погребальному обряду и роскоши сопровождающих вещей этот курган ничем не отличается от уже упоминавшихся выше «царских» гробниц Скифии. Но только в одном Александрополе мы видим немало черт культуры, говорящих о прямых связях с далекой северо-восточной окраиной скифских владений – Лесостепным Подоньем. Ключ к разгадке данного явления следует искать в том, что Лесостепное Подонье (как и все Подонье в целом), видимо, находилось под контролем скифов-«царских» (сведения Геродота о том, что восточная граница их владений доходила до низовьев Дона-Танаиса, плюс типично скифский «царский» курган – Пятибратный № 8 – в донской дельте), и, следовательно, среднедонские земли вполне могли управляться одним из отпрысков «царских» скифских родов или семей, умершим по какой-то причине вдали от Среднего Дона и погребенным в престижном некрополе скифских «царей» – Степном Приднепровье (Герросе).

И, наконец, замечание весьма печального характера, касающееся конечной судьбы коллекции вещей, найденных в Александропольском кургане в 1851–1856 годах и поступивших тогда же в Императорский Эрмитаж в Санкт-Петербурге. «Вещи из Александропольского кургана, – сообщает М.И. Артамонов (в 60-е годы XX в. директор Гос. Эрмитажа), – вместе с рядом других комплексов, найденных на территории УССР, были переданы в УССР (в Киев и Харьков – *В.Г.*) и во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. погибли. В Гос. Эрмитаже сохранилось лишь небольшое число подлинных образцов и гальванокопий»⁶⁰. Кроме Александропольской коллекции тогда пропали и вещи из Чмыревой Могилы, Первого Мордвиновского и других «царских» скифских курганов.

КРАСНОКУТСКИЙ КУРГАН

В XVIII–XIX веках (1774, 1783, 1791 и 1812 гг.) в результате целого ряда успешных русско-турецких войн Россия, ранее отрезанная от южных морей, получила малозаселенную территорию и морскую границу огромной протяженности – от Дуная до Кубани. К Российской империи отошли обширные причерноморские и приазовские степи и Крымский полуостров. Наряду с богатыми местными природными ресурсами эти края отличались и обилием разного рода

памятников древности – от руин древнегреческих городов до погребений эпохи неолита и бронзы. Особенно много на степных просторах имелось больших и малых курганов. По странным представлениям, народная фантазия всегда приписывала этим земляным холмам необыкновенные богатства, скрытые внутри. Поэтому совсем не удивительно, что уже в первые десятилетия XIX века, попав в эти, до того почти девственные места, русские поселенцы, помещики, чиновники и военные принялись на свой страх и риск копать курганы и нередко находить в них искомое золото. Государственный подход к историко-культурному наследию страны и интересы пополнения коллекции Императорского Эрмитажа требовали от верховной власти упорядочить эту вакханалию курганных грабежей и внести в раскопки древностей Юга России какое-то организующее начало. 2 февраля 1859 года в Санкт-Петербурге была создана Императорская Археологическая Комиссия во главе с графом Сергеем Григорьевичем Строгановым (ИАК). Комиссия подчинялась Министерству Императорского двора, и в ее задачи входило: производство раскопок на всей территории страны, соби­рание сведений о памятниках старины, ученая разработка и оценка найденных древностей. Специальным указом Комиссии предоставлялось право контроля за всеми «другими попытками» раскопок, причем все добываемые частными лицами древности должны были, по возможности, представляться через местное начальство на рассмотрение ИАК. И одними из первых практических шагов нового учреждения стали исследования Краснокутского (1860 г.) кургана и Чертомлыка (1862–1863 гг.).

Подготовленных кадров археологов у Комиссии тогда не было и, поэтому, руководство ИАК привлекало для осуществления своих проектов наиболее подходящих (с ее точки зрения) людей. Одним из таких «привлеченных» оказался и известный русский историк Иван Егорович Забелин. Он родился в Твери в 1820 г., но вся его жизнь, и личная и научная, была связана с Москвой. Здесь он начал свою деятельность, работая «канцелярским служителем второго разряда» в Оружейной палате в Кремле и здесь же он и закончил свою жизнь, будучи фактическим главой созданного в 1883 г. Исторического музея. «Однако задолго до этого, в 1859 г., будучи не удовлетворен состоянием своих служебных дел, он принял приглашение графа С.П. Строганова работать в Императорской Археологической Комиссии в Петербурге... И в этом же году почти сорокалетний коллежский асессор И.Е. Забелин впервые посетил и осмотрел Чертомлыцкий курган, приступив к археологическим изысканиям в Приднепровье. В это время Иван Егорович был уже известным историком, но еще совершенно неопытным археологом. К раскопкам грандиозного по своим размерам Чертомлыцкого кургана он приступил не сразу, а лишь три года спустя. На протяжении трех полевых сезонов 1859–1861 гг. И.Е. Забелин раскопал несколько небольших курганов, и эту работу следует считать первым научным и планомерным исследованием погребальных памятников, проведенным в причерноморской степи»⁶¹.

Небольшое уточнение: среди этих «небольших курганов» числился и внушительный Краснокутский (или «Толстая Могила»), высотой 8,5 м и диаметром 64 м. О нем ниже и пойдет речь.

Краснокутский курган находится у с. Преображенка Томаковского района Днепропетровской области (Украина), на правом берегу Днепра, по дороге из Днепропетровска в Никополь, на возвышенной степной местности, которая «...открывает горизонт верст на 20 во все стороны». По своему географическому положению Краснокутский курган входит в группу правобережных степных курганов Нижнего Приднепровья, к которым принадлежат хорошо известные захоронения высшей скифской знати – такие как Чертомлык, Александрополь, Каменная Могила, Близница, Слоновская Близница, Томаковская Близница, Первый и Второй Лемешевы курганы, все относящиеся к IV веку до н.э. Был раскопан в 1860 году И.Е. Забелиным по поручению и на средства Императорской Археологической Комиссии и Краснокутский курган. Отчет И.Е. Забелина опубликован в «Древностях Геродотовой Скифии»⁶². Вещи из раскопок поступили в Императорский Эрмитаж в Санкт-Петербурге.

Насыпь высотой 8,5 м и окружностью свыше 191 м была обложена каменной крепидой по основанию и склонам. Раскопки велись с помощью траншеи по центру кургана шириной в 12 метров. Под насыпью обнаружена катакомбная гробница (в центре) и отдельная могила с четырьмя лошадьми в серебряных уборах. Наиболее интересными находками из Краснокутского кургана явились сложенные двумя кучами под насыпью на уровне древнего горизонта остатки богато украшенных погребальных повозок, среди которых хорошо видны железные части от колес (оковки ободов), колесные втулки и др. кроме того, в первой куче оказались четыре бронзовых ажурных литых навершия с изображением дракона, пожирающего какое-то животное, бронзовые украшения в виде цветка, гладких пуговиц, треугольных и круглых блях с отверстиями.

Во второй куче, кроме остатков колес, найдены до 80 железных удилов, лунницы, диски, колокольчики (все из бронзы) от нагрудных конских украшений, 4 бронзовых ажурных навершия с фигурами крылатых львов и два навершия с прорезными бубенцами, увенчанными фигурками птиц с распростертыми крыльями, множество бронзовых круглых и треугольных блях и колчан с 54 бронзовыми наконечниками стрел.

Навершия, в связи с повозками, как и в Краснокутском кургане, встречены также в Александрополе (6 наверший), в курганах Слоновская Близница, Чмырева Могила, Большая Лепетиха. В Чертомлыке найдено 10 наверший, но без остатков повозок.

В конской могиле в числе украшений конских уздечек – серебряные наконечники с головками ушастых львиных грифонов, четыре бляхи с конскими головками для перекрестий ремней, расположенными в виде солярного знака с отростками, две круглые бляхи, украшенные изображением восьмилучевой звезды, оригинальные нащечники в виде стилизованной лапы животного, сдвоенных фигурок гиппокампов, четырехугольных пластин с двумя головками грифонов. Все элементы конских украшений из серебра выполнены в так называемом фракийском стиле.

В дважды ограбленной круглой погребальной камере (около 5,3 м в диаметре и с высотой потолка в 2,13 м) обнаружены беспорядочно разбросанные че-

ловеческие кости, напутственная пища в виде кусков конины, четыре костяные рукоятки ножей, бронзовые наконечники стрел, 18 железных подтоков копий и дротиков, обломок железного двулезвийного меча, чешуйки *железного* панциря, венчик бронзового сосуда, золотая бляшка в виде пятилепестковой розетки (ближайшие аналогии – золотые бляшки из Александропольского кургана), бронзовая «вилка», горлышко лепного сосуда, несколько греческих амфор⁶³.

К сожалению, амфоры (наилучший датирующий материал) до Эрмитажа почему-то не доехали, но в архиве Института истории материальной культуры Российской Академии Наук в Санкт-Петербурге сохранились точные акварельные рисунки некоторых из них, вполне определяемые по форме. На этом основании А.Ю. Алексеев считает возможным отнести время сооружения Краснокутского кургана к 330–320 гг. до н.э.⁶⁴

ЧЕРТОМЛЫК

Итак, после находок в Куль-Обе император Николай I не жалея выделяет всё большие средства на раскопки древних некрополей в районе Керчи. Местные археологи Дамиан Карейша и Антон Ашик, без усталости вскрывают древние курганы и склепы и добывают немало драгоценных вещей для пополнения коллекций Императорского Эрмитажа. Но во-первых, сильную конкуренцию им составили керченские грабители могил – «счастливчики». А во-вторых, находимое золото было не скифским, а греческим – ведь Керченский полуостров в древности входил в состав могущественного полу-эллинистического, полу-варварского Боспорского царства и скифы заходили туда лишь время от времени, по каким-то особым причинам и обстоятельствам. «Кладбище» скифских «царей» следовало искать в другом месте, где-то в центре обширных причерноморских степей, – там, где кочевали когда-то скифские орды и, прежде всего, так называемые царские скифы. И вскоре подходящий объект для новых раскопок был найден. Примерно в 20 км от г. Никополя, у днепровских порогов, на берегу речки Чертомлык возвышался огромный курган почти в 20 м высоты и 350 м в окружности.

Собственно говоря, искать курган особо и не пришлось: он своими величественными пропорциями явно выделялся на фоне других окружающих его могильных холмов. Чертомлык был взят на заметку русской наукой сразу же после завоевания Российской империей Нижнего Приднепровья. Академик Василий Зуев в своих «Путешественных записках от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 гг.» описал все достопримечательности, встретившиеся ему на пути. Но особенно большое впечатление произвел на него всемирно известный теперь Чертомлыцкий курган. «Выехав из Чертомлыка, – пишет он, – верст через пять увидели мы превеликий круглый курган, какого я ни прежде, ни после не видывал».

Правда, внушительные размеры земляного исполина долгое время отпугивали отечественных археологов от попыток раскопать этот двадцатиметровый холм.

Лишь в 1862 г. Императорская Археологическая Комиссия выделила на исследование Чертомлыка огромную по тем временам сумму – 5000 рублей. Руководителем работ был назначен уже известный нам ученый-историк Иван Егорович Забелин, который за предыдущие несколько лет сумел приобрести некоторый практический опыт по раскопкам скифских курганов⁶⁵.

20 мая 1862 г. раскопки Чертомлыка начались. В них участвовали 86 «грабарей» (т.е. землекопов) с конными подводами.

Однако объем земляных работ оказался столь велик, что за один сезон (до осенних дождей) управиться с курганом не удалось. К делу приступили вновь в июне 1863 г. Работали уже 116 землекопов с подводами. На глубине 12 м от уровня древней дневной поверхности нашли большую могилу, но она была начисто ограблена. «Была обнаружена грабительская мина (лаз), – пишет российский археолог И.Б. Брашинский, – по которой грабители проникли к погребению вскоре же после похорон. Можно было определенно утверждать, что это были люди, знавшие, зачем они идут и куда им направлять свой «подкоп». Возможно, они сами участвовали в похоронах и знали, что любой риск для получения такой богатой добычи вполне оправдан». Однако судьба сыграла с ними злую шутку.

То ли гробница действительно была заколдована скифскими жрецами (феномен «проклятья фараона»), то ли имела место простая небрежность при рытье подземного хода, но, тем не менее преступники были жестоко наказаны. Во время ограбления кургана произошел обвал земли в грабительском лазу и один из злоумышленников был задавлен насмерть. Его скелет и нашли рабочие И.Е. Забелина. Это помешало искателям сокровищ вынести все ценные вещи из могилы – часть из них была погребена обвалом вместе с незадачливым похитителем.

В гробнице (большая катакомба с четырьмя ответвлениями) удалось найти подлинные шедевры древнего ювелирного искусства: множество золотых нашивных бляшек, украшавших одежду главного погребенного, шесть мечей с обложенными золотой фольгой рукоятями, золотую обкладку деревянных ножен меча с изображением битвы эллинов с варварами. Но самой важной находкой была великолепная золотая обивка горита (футляра для лука и стрел). «Тонкая золотая пластина украшена несколькими поясами рельефных изображений. На верхнем фризе показаны сцены борьбы животных львицы и быка, вепря и льва; здесь же можно увидеть, как пантера терзает дикого козла, а на другой сцене пантера и лев – оленя.

Наибольший интерес представляют два широких средних фриза целиком заполненные различными сценами из мифов о жизни величайшего из греческих героев – легендарного Ахилла, сына морской богини Фетиды и царя мирмидонян Пелея. Наверху слева изображено обучение еще совсем юного героя стрельбе из лука. Центральное место на этом горите занимает драматическая сцена обнаружения Ахилла на острове Скиросе среди дочерей царя Ликомеда. Сюжет этой сцены заимствован из легенды, по которой мать героя богиня Фетида, желая спасти его от участия в Троянской войне, где, по предсказанию, ему суждено было погибнуть, скрыла Ахилла у царя острова Скироса. Там он про-

водил время среди царских дочерей, облаченный в женскую одежду. У одной из них, Дидамии, от Ахилла родился сын Неоптолем. Между тем война с троянцами, которая, как известно, велась греками из-за прекрасной Елены, похищенной супруги царя Менелая, складывалась для них неудачно. Тогда они решили во что бы то ни стало разыскать храбрейшего из героев и привлечь его к участию в войне. На поиски был отправлен «хитроумный» Одиссей, придумавший такую уловку для разоблачения Ахилла. Он явился во дворец Ликомеда под видом торговца, разложил перед дочерью царя женские украшения и, подложив к ним оружие, внезапно издал боевой клич. От неожиданности Ахилл, охваченный воинственным порывом, схватил меч и сбросил женское платье. Разоблачив себя таким образом, он был вынужден примкнуть к походу греков на Трои.

Сцена на горите изображает Ахилла, сбрасывающего женские одежды и хватающего меч. Слева от него сидит Одиссей со своими товарами. Справа – женщина, удерживающая за развевающиеся одежды испуганную Дидамию. Левее Одиссея сидит жена царя Ликомеда и утешает приникшего к ней испуганного мальчика – Неоптолема».

Может возникнуть вопрос, почему на предмете, предназначенном для скифа, были изображены сцены из жизни греческого героя? Вероятно, это объясняется тем, что культ Ахилла был весьма популярен в северо-западном Причерноморье и мог проникнуть оттуда и в скифскую среду. Дело в том, что согласно одной из версий легенды, Фетиде удалось увести Ахилла с горящего похоронного костра и перенести его на остров Левку (совр. Остров Змеиный) в устье Дуная, где он еще долго продолжал жить в обществе других обожествленных героев. Кроме того, на горите изображен скифский лук – один из главных символов царской власти у скифов, если судить по их эпосу⁶⁶.

Интересно, что после находки золотой обивки чертомлыцкого горита, в разных местах, на далеком расстоянии друг от друга были найдены еще три абсолютно такие же в курганах у села Ильинцы на Южном Буге (теперь Винницкая область Украины), а затем – в Мелитополе и около станицы Елизаветовской в дельте Дона. Как видим, территория их распространения весьма широка – от Южного Буга до Дона. Выяснилось также, что это копии одной вещи. Как полагают некоторые исследователи, мастерская, изготовлявшая дорогие золотые украшения для высшей скифской знати, находилась в Пантикапее (совр. Керчь) и в ней работал выдающийся греческий художник. Нетрудно представить себе, какие несметные богатства находились в ограбленной могиле, если даже то, что не успели унести грабители, было столь ценным.

Терпение археологов, продолжавших изучать разграбленное погребение, было вскоре щедро вознаграждено. Погребальное сооружение Чертомлыцкого кургана представляло собой сложный подземный лабиринт: от каждого из углов центральной могильной ямы отходили большие боковые подземелья – ниши, которые оказались не тронутыми расхитителями. По-видимому, к моменту ограбления входы в них были завалены землей, что и спасло их от хозяйничанья непрошенных гостей. В трех нишах также были захоронения, и в каждой – множество различных предметов, золотых и серебряных украшений –

шейных гривен, перстней, браслетов, бляшек, украшавших одежду (одних золотых бляшек было найдено около 2500), бронзовых наконечников стрел, ножей и т.д. Особенно богатым оказалось одно из погребений, где были похоронены женщина и мужчина – наложница (или жена) «царя» и его виночерпий. «Царицу» украшали золотая гривна, браслеты, серьги. На каждом пальце по золотому перстню. Она была одета в роскошный наряд. Но самой выдающейся находкой здесь оказалась прославившая Чертомлыцкий курган большая серебряная с позолотой ваза, известная теперь во всем мире под названием «чертомлыцкой амфоры». Ее особый интерес состоит в том, что она, как и куль-обский электро-вый кубок, украшена сценами из скифской жизни. Вся поверхность амфоры покрыта позолоченными рельефными изображениями. На ее туловище видны цветы и побеги растений с сидящими на них птицами. Плечики амфоры украшены двумя поясами изображений. На верхнем – крылатые фантастические чудовища – орлиноголовые грифоны с львиными телами терзают оленя. Но наиболее интересен второй пояс. На нем удивительно реалистично и живо показаны сцены ловли скифами диких коней из табуна. Мы видим здесь уже известные нам по Куль-Обе характерные внешние черты скифов – их длинные волосы и бороды, кафтаны и шаровары, мягкие сапоги. Мастер чертомлыцкой вазы очевидно был прекрасно знаком со скифами, с их жизнью и бытом⁶⁷.

По времени Чертомлыцкий курган близок Куль-Обе. Он относится к третьей четверти IV в. до н.э. Чертомлык служил усыпальницей могущественного скифского «царя», похороненного со всей пышностью скифского царского погребального обряда.

В главной, частично ограбленной могиле был похоронен царь, а в боковых нишах – его супруга и слуги. В этих боковых могилах кроме захоронения женщины оказалось еще четыре мужских. Помимо этого под курганной насыпью было открыто еще пять могил: в трех из них было похоронено 11 коней в богатых уздечных уборах, украшенных золотыми и серебряными бляхами, а в остальных двух – конюхи или оруженосцы с колчанами полными стрел и тоже в богатых нарядах.

Резонанс от чертомлыцких раскопок был огромен, а драгоценные находки из этого скифского кургана заняли достойное место в коллекции Эрмитажа в Петербурге.

Но когда первые восторги от чертомлыцких открытий несколько улеглись, настало время для более спокойной и строго научной оценки всей полученной информации. Чертомлык, по всеобщему признанию, один из самых больших скифских курганов, принадлежавший, несомненно, к разряду «царских».

Курган (первоначальное местное название – «Толстая Могила») расположен на правом берегу Нижнего Днепра в 30 км к северо-западу от г. Никополя в бывшей зоне ковыльных степей, в 3–3,5 км к северо-западу от с. Чкалово. Курган получил свое имя по названию речки Чертомлык, протекавшей невдалеке. Он замыкал с востока курганную группу, насчитывающую несколько десятков насыпей и протянувшуюся цепочкой по линии запад–восток. Высота кургана 19,5 м. Насыпь была сооружена в четыре приема из пластов дерна и обнесена

по основанию мощной крепидой из больших каменных плит, подтесанных с внешней стороны. Диаметр кургана 115–120 м. Основным строительным материалом, использованным при возведении насыпи Чертомлыка, служили великолепно различимые в разрезе пластины дерна, уложенные травяным покровом вниз. Размеры этих пластин примерно 25×15 см. Ритуальный кольцевой ров вокруг основания насыпи несмотря на поиски в 1979–1986 гг., прослежен не был. Видимо, он отсутствовал изначально.

В 1979–1986 гг. останцы Чертомлыцкого кургана были доследованы совместной экспедицией украинских и немецких ученых. И здесь удалось выяснить, что для сооружений всей насыпи Чертомлыка (а ее объем определен в 75000 м³) потребовалось снятие дерна на площади в 75 гектаров. Другие специалисты-палеоэкологи называют вдвое меньшую площадь – в 37,5 га. Тем не менее ясно одно: это была значительная по масштабам и трудоемкая работа на площади в десятки гектаров степи вокруг будущего гигантского сооружения⁶⁸.

Перейдем к описанию находок, полученных в 1862–1863 гг. И.Е. Забелиным. В ходе раскопок в насыпи кургана обнаружены остатки тризны и жертвоприношений, главным образом, части уздечек, которых было не менее 250 (это – имитация захоронения коней); кроме того, бронзовые навершия, увенчанные фигурками животных и птиц, бронзовые наконечники стрел, ажурная жаровня со втулкой для деревянной ручки. Подкурганная поверхность на западе была насыщена обломками амфор и лошадиными костями. Отдельно лежал полный скелет взнузданного коня в бронзовом уборе.

Под насыпью кургана открыты две гробницы – центральная и боковая (северная, или впускная) и три конские могилы с 11 конями в богатых уборах из золота и серебра, рядом с которыми в особых ямах были погребены два конюха.

Центральная гробница имела вид глубокого (до 11 м) прямоугольного колодца, по углам которого были расположены входы в камеры-подземелья размером 5×4 м (дно на глубине 12,5 м). В северо-западной и юго-западной камерах находились захоронения людей, в северо-восточной и юго-восточной размещался погребальный инвентарь. От северо-западной камеры (камера № 4, с погребением «царицы») отходило напрямую еще одно просторное (7×5 м) помещение – камера № 5 по И.Е. Забелину – наиболее удаленная от входной ямы. В ней, судя по всему, находилось главное погребение – погребение «царя», к сожалению, заметно пострадавшее от деятельности древних грабителей. Однако благодаря тому, что своды подземных сооружений центральной гробницы Чертомлыка к моменту ограбления, по-видимому, частично обрушились, значительную часть сокровищ «царя» кладоискатели так и не обнаружили.

Умерший лежал на деревянном помосте, находившемся у западной стенки гробницы. Его останки были беспорядочно разбросаны по всему помещению. Возле ложа и у грабительского хода найдены некоторые золотые вещи: перстни, кольца, наконечник от ножен меча, золотые бляшки, пуговицы, обрывки золотых ажурных пластин и прочие остатки пышного погребального убора властителя Скифии.

У северной стенки камеры, примерно у ее середины, стояли два бронзовых котла. Здесь же найдены золотые нашивные бляшки и обломки чернотемной

греческой чашечки. Ближе к северо-восточному углу камеры обнаружен бронзовый шестирожковый светильник.

В северной стене гробницы была вырыта ниша (ниша F), где находилась бронзовая полусферическая чаша, наконечники стрел в кожаном истлевшем колчане, железный меч с обложенной золотой фольгой рукоятью, золотой наконечник оселка, украшенный сканным орнаментом и два железных ножа с костяными рукоятками.

Вторая ниша (ниша H) была вырублена в западной стенке камеры. Устье ее находилось за деревянным настилом. В нише возле самого устья стояло бронзовое античное ведро (ситула). На дне практически всей остальной части ниши прослеживались остатки кожи или какой-то толстой ткани, среди которых встречены многочисленные золотые нашивные бляшки и пуговицы.

В третьей нише (ниша K), сделанной в южной стенке камеры № 5, обнаружен прекрасный набор предметов вооружения. В восточной части ниши, на ее полу, лежали два боевых пояса (один с железным, другой с бронзовым набором). Под ними – железные ножи, железные крюки и гвозди. В западную стену ниши были воткнуты три железных меча с плакированными золотом рукоятками, а под ними – золотые ажурные бляшки (вероятно, с колчанов или от ножен меча). В центре ниши находились золотые обивки горита, в том числе лицевая накладка с изображенной в центре рельефной многофигурной композицией, в которой большинство исследователей видит сцену из мифа об Ахилле. Здесь же обнаружены золотые ножны меча, украшенные сценой битвы греков с варварами, два железных меча с золотыми рукоятками, бронзовые наконечники стрел, золотые нашивные бляшки и бусы. Один из мечей уникальной персидской (ахеменидской) работы. Навершие рукояти оформлено в виде двух головок комолых бычков, плоскость заполнена изображением сцены охоты всадников на козлов, перекрестье – сердцевидное. Вероятно, этот меч, лежавший без ножен, вкладывался в ножны с богатой золотой отделкой с изображением битвы греков с варварами. Художественный стиль рукояти и ножен совершенно различен, иранская рукоять, бесспорно, старше, чем ножны, заказанные, вероятно, в античной мастерской. Очевидно, этот меч представлял собой реликвию царского дома, передававшуюся из поколения в поколение. Кроме этого меча в стену были воткнуты еще три меча с обложенными золотом рукоятками, покрытыми грубыми схематичными изображениями животных «чертомлыцкого» типа.

В северо-западной камере обнаружено погребение «царицы». Скелет женщины лежал вытянуто, головой на северо-запад, на остатках деревянного ложа или саркофага со следами росписи синей, голубой, зеленой и желтой красками. На лоб покойницы была надета золотая лента с растительным орнаментом; 49 бляшек из золота в виде цветов и розеток располагались в верхней части черепа, как бы нашитые на высокий конический головной убор. По всей длине тела умершей найдено 57 золотых бляшек, видимо, нашитых прежде на покрывало: на них изображена богиня с зеркалом и стоящий перед ней скиф с ритонном в руке.

Головной убор «царицы» дополняли две золотые серьги с подвесками на цепочках. На шее – массивная золотая гривна с фигурами львов на концах; на

руках – широкие золотые браслеты; на пальцах – золотые кольца. Возле правой руки покойницы лежало бронзовое зеркало с костяной ручкой. У западной стены гробницы обнаружена знаменитая серебряная амфора античной работы, на которой изображены скифы, укрощающие коней. Здесь же находились серебряный таз, черпак с ручкой в виде головы собаки и 14 амфор для вина. Возле них лежал скелет юного слуги-«виночерпия», который имел при себе колчан со стрелами, нож, железный и бронзовый браслеты.

Разнообразные предметы женского обихода, туалета и одежды были открыты в северо-восточной камере: бронзовое зеркало с железной ручкой, серебряная ложка, костяные пластины от ларца, части костяного веретена, около 2500 золотых блях, подвесок, пуговиц, бус – украшения одежд и головных уборов, развешанных на железных крюках вдоль стен гробницы. Здесь же находились шесть амфор с вином, а близ входа лежал скелет мужчины с гладкой бронзовой гривной на шее, золотой серьгой и спиральным золотым кольцом на левой руке. Он был вооружен железным ножом и колчаном с 67 наконечниками стрел. Скорее всего, этот воин выполнял роль стража при женской сокровищнице.

Роскошные парадные уборы «царицы» хранились в юго-восточной камере. От них остались многочисленные золотые бляшки, пронизки, бусы, золотые ленты (два конических головных убора и др.). Здесь же находились небольшой бронзовый котел, пять амфор, пять ножей с костяными рукоятками, остатки шерстяного ковра, несколько кожаных колчанов с бронзовыми наконечниками стрел. У входа в камеру для охраны сокровищ была положена собака.

В юго-западной камере были похоронены двое мужчин, лежавших в вытянутом на спине положении, головой на запад. У одного из них на шее находилась сильно потертая золотая гривна с 12 фигурками львов. Около черепа, образуя контур конического головного убора, лежали 29 золотых крупных блях. На запястьях – широкие пластинчатые золотые браслеты; на безымянных пальцах обеих рук – гладкие золотые кольца. У левого бока находился меч с золотой рукоятью и гладким золотым наконечником ножен, спиральная золотая лента от нагайки, кожаный колчан со стрелами и железный нож с костяной рукояткой. На покойнике был надет боевой пояс с набором из бронзовых пластин, а на ногах – бронзовые греческие поножи («кнемиды»). Слева от черепа – четыре наконечника копий, обломки бронзовой чаши, серебряный кувшинчик и еще один колчан со стрелами. У второго умершего на шее также была золотая гривна, украшенная на концах фигурками львов; на правой руке – серебряный браслет и золотое кольцо. Вооружение представлено боевым поясом с бронзовым набором пластин, нашитых на кожаную основу, мечом, колчаном со стрелами и ножом.

К западу от гробницы царя (камера № 5) на древней подкурганной поверхности находились три большие, перекрытые бревнами ямы. В южной – захоронение трех коней в полном уборе и отдельно лежащая от них уздечка. В двух других могилах было по четыре коня. У пяти скакунов уздечки и седла имели золотую отделку, а у шести других – серебряную. Украшения узды довольно однообразны: массивные налобники с головками животных типа «львиных грифонов», плоские нащечники с гравированными изображениями птиц, круглые

бляхи перекрестий ремней, подпружные пряжки и др. При двух конских могилах имелись захоронения «конюхов» (по одному на каждую): при первом из них найдены бронзовая с позолотой гривна, золотая серьга с подвеской в виде человеческой головы, золотое спиральное кольцо, колчан со стрелами, наконечники копий и дротиков, нож; при втором – золотая массивная витая гривна и колчан с бронзовыми наконечниками стрел⁶⁹.

По мнению большинства современных исследователей, в Чертомлыке были совершены два равнозначных по степени знатности и богатства погребения – «царя» и «царицы» в окружении их слуг и приближенных. Все сопровождающие захоронения – «виночерпия», «конюхов», «стража», двух знатных воинов из юго-западной камеры – несомненно, принадлежат свободным скифам из личного окружения «царя», что подтверждает свидетельство Геродота о том, что скифским властителям служили не рабы, а свободные люди из приближенных к высокой особе лиц.

«Грандиозный погребальный комплекс Чертомлыка, состоявший из центральной гробницы и связанных с ней сопровождающих захоронений, – как считают А.Ю. Алексеев, В.Ю. Мурзин и Р. Ролле (авторы коллективной и наиболее полной монографии о Чертомлыцком кургане, 1991 г.), – создан для захоронения скифского царя, останки которого покоились в камере № 5 центральной гробницы. К сожалению, камера подверглась достаточно опустошительному ограблению...»⁷⁰.

Кроме того, в камерах № 1–4 центральной гробницы Чертомлыка обнаружены еще пять человеческих погребений с различным социальным статусом. Как уже отмечалось выше, в камере № 4 в деревянном саркофаге покоился прах «царицы». Но больше всего споров вызывает парное мужское захоронение в камере № 3. Обилием и роскошью вещей отличается здесь первый воин. Но эти различия в наборе сопровождающих вещей не позволяют судить о соподчиненном положении погребенных. Судя по близкому расположению скелетов в гробнице, различие в их социальном статусе самое минимальное.

Естественно, что при интерпретации погребений этих двух воинов возникает вопрос об их отношении к захоронениям «царицы» (камера № 4) и «царя» (камера № 5).

В отечественной археологической литературе нет единого мнения о социальном статусе упомянутых лиц. Так, М.И. Ростовцев считает, что именно камера № 3 и была царской усыпальницей, а первый воин из нее и есть «царь». Этой же точки зрения придерживаются А.И. Тереножкин и В.А. Ильинская. Второй воин рассматривается при этом как сопровождающий царя «оруженосец».

Однако ссылаясь на сравнительно небольшое количество золотых украшений, оружия и сосудов, известный украинский исследователь больших скифских курганов Б.Н. Мозолевский, отвергает данную гипотезу и помещает могилу «царя» в разграбленную камеру № 5. Что касается захоронения двух воинов, то их следует считать представителями скифской воинской элиты, которые сопровождают в загробный мир своего повелителя – «царя» всей Скифии. Необ-

ходимо также отметить, что аналогий подобным погребениям в скифских степных «царских» курганах пока не встречено.

«Несомненно, особое положение занимает погребение женщины в северо-западной (№ 4) камере. Богатство одежды и разнообразие украшений, количество сопроводительного инвентаря (включая вещи из юго-восточной и северо-восточной камер) свидетельствуют о ее высоком социальном статусе, который подтверждает и сопровождающее захоронение... Некоторые детали, возможно, указывают на выполнение ею культовых функций: наличие конусовидного головного убора и четырех калафов в «кладовых», которые считаются некоторыми исследователями индикаторами жреческого достоинства...»⁷¹.

Северная впускная могила была обнаружена И.Е. Забелиным под северной поллой кургана и вторично доследована в 1979–1986 годах. Она располагалась в 42 м на ССЗ от входной ямы центральной гробницы Чертомлыка, возле начала грабительского хода. Входная яма могилы имела прямоугольную форму (по верху размеры 3,8×2,6 м, по дну – 4,3×3 м). Гробница полностью разграблена. В заполнении входной ямы (смесь чернозема и глины) найдены бронзовый наконечник стрелы, железные панцирные пластины, бронзовые детали конской узды (в том числе фигурный наносник, верхняя часть которого оформлена в виде головы лося), 6–7 клыков кабана с одним или двумя отверстиями (по всей вероятности, клыки были частью нагрудного украшения коня), многочисленные кости животных. Всего здесь были останки, как минимум 12 кабанов, 5 быков, 2 овец, 4 лошадей, косули и собаки. Кроме этих костей обнаружены шесть фаланг пальцев человека, принадлежавших трем или четырем индивидам (в частности, одному мужчине старше 25 лет и подростку в возрасте 12–14 лет).

Находки фаланг ассоциируются с данными Геродота, согласно которым скифы в знак траура по умершему царю «отрезают себе часть уха, волосы обстригают кругом, на руках делают надрезы, лоб и нос расцарапывают, левую руку прокалывают себе стрелами».

Хотя в этом отрывке прямо не указывается, что скифы практиковали отрубание пальцев рук, существование у них такого обычая, зафиксированного этнографами у ряда других народов, вполне вероятно.

Погребальная камера соединялась с входной ямой коротким коридором (длина 1,7 м) и имела форму трапеции (4,8×6 м). И.Е. Забелин северную гробницу докопать не мог из-за ее рухнувшего свода. Эту работу осуществили украинские и немецкие археологи в 80-е годы прошлого века. То, что осталось в могиле после грабителей, способно привести в уныние любого исследователя: бронзовый котел с безглавленной тушей молодой овцы, раздавленный серебряный килик, серебряный кубок с греческими буквами на днище и амфора для вина.

При доследовании Чертомлыка в 1979–1986 гг. ученые определили и структуру насыпи и конструкцию каменной крепи, нашли за пределами кургана остатки грандиозной тризны в виде обломков греческих амфор для вина и костей животных, а также открыли погребение № 1/84 – в 45 м западнее и 8 м южнее условного центра кургана.

Погребенный – мужчина крепкого телосложения в возрасте около 30 лет лежал на спине головой на восток – юго-восток. Кисти рук сложены на тазовых костях, а поверх их лежал кусок известняка весом в 8 кг. Для скифов такая деталь погребального обряда до сих пор была неизвестна. Слева от скелета, возле бедра, находился колчан с 41 бронзовым наконечником стрел. Уцелели даже обломки древков из древесины липы, украшенные полосками красной краски. У правого плеча – железный наконечник копья со втоком. В заполнении ямы и над ней на уровне древнего горизонта выявлены 15 раздавленных тяжестью земли амфор (с винным осадком внутри). Кроме того, в непосредственной близости от погребения № 1/84 было обнаружено шесть скоплений амфорных обломков, содержащих от 4-х до 7 гераклейских амфор каждое. Всего в состав «винного склада», вверенного попечению воина из погребения № 1/84, насчитывалось, таким образом, не менее 56 амфор. И этот «склад» имел самое прямое отношение к центральной гробнице. Ничего подобного не встречалось ни в одном другом «царском» кургане степной Скифии. Все вышесказанное красноречиво свидетельствует об уникальном характере Чертомлыка на фоне других скифских древностей и о его несомненно «царском» статусе. Точный возраст кургана определяется в пределах 340–320 годов до н.э.⁷²

КУРГАН ОГУЗ

Огуз – один из самых крупных курганов IV века до н.э. в Северном Причерноморье (его высота около 20 м, а длина окружности – 400 м). Насыпь была окружена кольцевым рвом и валом и имела мощную каменную крепиду. Курган находится в степи между Днепром и рекой Молочкой, у поселка Нижние Серогозы Херсонской области.

Раскопки Огуза начались в 1891 году и продлились четыре полевых сезона, вплоть до 1894 года. Руководил ими Н.И. Веселовский. В течение первого года он заложил раскоп в северной части гигантской насыпи. В 1892 г. работы проводились на западном, южном и восточном склонах кургана. Основные исследования 1893 г. Н.И. Веселовский осуществлял на южном (главном) раскопе и писал по этому поводу: «...в центре кургана вырыта погребальная яма очень больших размеров, именно более 9 сажен (19,2 м) в диаметре». Наиболее удачным оказался последний, 1894 год. «Чтобы обнаружить весь провал по материку, – сообщает ученый, – ...потребовалось пять недель времени при 50–60 рабочих..., пришлось делать выемки боков (насыпи – *В.Г.*) на высоту 8 сажен (17 м). Яма оказалась четырехугольной, длиною и шириною одинаково по 4 сажени и два аршина (9,9 м)»⁷³.

В яме был обнаружен каменный склеп необычной для скифов конструкции и квадратный по форме (6,4×6,4 м). «Он был сложен из хорошо отесанных, вертикально поставленных блоков. Стены склепа и его перекрытие в виде уступчатого свода крепились массивными железными скрепами. Для этого в блоках сверлили специальные отверстия, куда вставлялись скрепы, а затем их заливали свинцом... Сам склеп и принципы его постройки были абсолютно греческими.

какие камеры были главными (юго- и северо-западные камеры), можно готовить научную публикацию этого памятника, возвращенного науке в наше время. Сделать это возможно и необходимо, тем более, что в Эрмитаже сохранилась опись находок Макаренко, в фотоархиве ИАК удалось обнаружить негативы фотографий вещей, найденных в Первом Мордвиновском кургане».

Таким образом, исследование Первого Мордвиновского кургана в 1970 году показало, что Н.Е. Макаренко исследовал этот сложный объект со всем возможным тщанием и аккуратностью, нашел обе подземные гробницы и отправил в Петербург, в Императорскую Археологическую Комиссию, всю имеющуюся документацию и немалую коллекцию находок, в том числе уникальных.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Великая Скифия. Киев-Запорожье. 2002. С. 40.
2. Брашинский И.Б. В поисках скифских сокровищ. М. Наука. Ленинградское отделение. 1979. С. 39.
3. Тункина И.В. «Отец бопорской археологии» Поль Дюбрюкс // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений / Отв. Ред. И.В. Тункина. СПб. Т. I. 2010. С. 13–100.
4. Брашинский И.Б. В поисках скифских сокровищ... 1979. С. 50–51.
5. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев. Наукова Думка. 1983. С. 211.
6. Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага, Аргия. Советский художник. Л. 1966. С. 62–65.
7. Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю., Шемаханская М.С. Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея // Труды ГИМ. Выпуск 200. М. 2014.
8. Одесский вестник. Одесса, 8 октября 1830 г.
9. Брашинский И.Б. В поисках скифских сокровищ... 1979. С. 55
10. Брашинский И.Б. В поисках... 1979. С. 57–60.
11. Древности Геродотовой Скифии. Выпуск 1. СПб. 1866. С. 1.
12. Древности Геродотовой Скифии... 1866. С. 2.
13. Древности Геродотовой Скифии... 1866. С. 2–3.
14. Древности Геродотовой Скифии... 1866. С. 4.
15. Древности Геродотовой Скифии... 1866. С. 8–25.
16. Полин С.В. К истории развития методики раскопок больших скифских курганов // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований. М. ИА РАН. 2011. С. 218.
17. Алексеев А.Ю. Греческая керамика из Александропольского кургана // Сообщения ГЭ, вып. LI. Л. ГЭ. 1986. С. 37.
18. Алексеев А.Ю. Хронография Скифии второй половины IV в. до н.э. // АСГЭ, вып. 28. Л. ГЭ. 1987. С. 46.
19. Полин С.В. К истории развития методики раскопок... 2011. С. 214.
20. Полин С.В. К истории развития... 2011. С. 214.
21. Полин С.В. Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) // Античный мир и археология. Вып. 14. Саратов. 2010. С. 262–307.
22. Полин С.В. К истории развития методики раскопок... 2011. С. 215.
23. Полин С.В. К истории развития... 2011. С. 218.
24. Древности Геродотовой Скифии. 1. Атлас. СПб. 1872. Таб. I, 4–5.
25. Замятин С.Н. Скифский могильник «Частые Курганы» под Воронежем (раскопки ВУАК 1910–1915) // СА. Вып. VIII. М. 1946. С. 38, рис. 27, 1.

26. *Канторович А.Р.* Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция // Автореферат докт. дисс. М. 2015. С. 303.
27. *Гуляев В.И.* Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время. МИА № 151. М. 1969.
28. Древности Геродотовой Скифии, 1. Атлас. СПб. 1872. Таб. , рис. 3; *Королькова Е.Ф.* Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. Вып. 36. СПб. 2003. Рис. 7, 6.
29. *Королькова Е.Ф.* Ритуальные чаши... 2003. С. 35, рис. 3, 4–6.
30. *Пузикова А.И.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация материалов). М. Индрик. 2001. С. 30.
31. Золото степу. Археологія України. Київ-Шлезвиг. 1991. С. 365, кат. № 97.
32. ДГС I. Атлас. 1872. Таб. XII, рис. 1–2.
33. *Пшеничнюк А.Х.* Звериный стиль Филипповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа. 2006. С. 34, рис. 13, 1.
34. ДГС I. Атлас. 1872. Таб. X. Рис. 3.
35. *Пшеничнюк А.Х.* Деревянная посуда из погребений ранних кочевников Южного Урала // Уральский Археологический Вестник, вып. 2. Уфа. 2000. Рис. 8.
36. *Манцевич А.П.* Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ, вып. 8. Л-М. 1966. С. 28–30.
37. *Замятнин С.Н.* Скифский могильник... 1946. С. 15, рис. 2, 1.
38. *Манцевич А.П.* Деревянные сосуды... 1966. С. 30.
39. *Манцевич А.П.* Деревянные сосуды... 1966. С. 20, рис. 9, 1.
40. *Замятнин С.Н.* Скифский могильник... 1946. С. 20, рис. 9, 1.
41. *Пшеничнюк А.Х.* Деревянная посуда... 2000. С. 92, рис. 15.
42. *Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону. 1983. С. 181, рис. 27, 11–13.
43. *Черненко Е.В.* Скифский доспех. Киев. Наукова Думка. 1968. С. 22, 35.
44. *Замятнин С.Н.* Скифский могильник... 1946. С. 20; *Пузикова А.И.* Курганные могильники... 2001. С. 93, рис. 20, 1–2.
45. *Савченко Е.И.* 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды ДАЭ ИА РАН, 2001–2003. М. ИА РАН. 2004. С. 178.
46. *Мелюкова А.И.* Вооружение скифов // САИ, Д1-4. М. Наука. 1964. С. 25.
47. *Манцевич А.П.* Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ, вып. 15. Л. 1973. С. 20 и сл., рис. 2, 6.
48. *Савченко Е.И.* Могильник скифского времени Терновое I – Колбино I на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. М. ИА РАН. 2001. С. 109.
49. *Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов... 1966. С. 58.
50. См. ДГС. Т. I. СПб. 1866; *Полин С.В.* К истории развития методики... 2011. С. 208.
51. *Алексеев А.Ю.* Уникальные украшения конской узды из Александропольского кургана // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь // Петербургский археологический вестник, вып. 6. СПб. 1993. С. 72.
52. *Алексеев А.Ю.* Греческая керамика из Александропольского кургана... 1986. С. 37.
53. *Алексеев А.Ю.* Хронография Скифии... 1987. С. 47.
54. *Спицын А.А.* Курганы скифов-пахарей // ИАК, вып. 65. Петроград. 1918. С. 121.
55. *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л. 1925. С. 538.
56. *Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России. Петроград. 1918. С. 50–53.
57. *Манцевич А.П.* Мастюгинские курганы... 1973. С. 41.
58. *Гуляев В.И., Савченко Е.И.* Новый могильник скифского времени на Среднем Дону // РА, № 4. 1998.

59. Гуляев В.И. Парадные мечи V–IV вв. до н.э. из курганов Скифии // Археологические памятники Восточной Европы. Межвузовский сборник. Воронеж. 2009. С. 147–151.
60. Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов... 1966. С. 55.
61. Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев. Наукова Думка. 1991. С. 271.
62. ДГС. Т. II. Глава IV. СПб. 1862.
63. Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М. Наука. 1981. 112 с.
64. Алексеев А.Ю. Греческие амфоры из Краснокутского кургана // РА, № 4. 2001.
65. Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык... 1991. Исследователь Чертомлыка И.Е. Забелин. С. 10–14.
66. Брашинский И.Б. В поисках скифских сокровищ... 1979. С. 66–69.
67. Брашинский И.Б. В поисках... 1979. С. 70–71.
68. Кломм М., Фиброк Г., Мейер Б. Почвоведческие исследования скифского кургана Чертомлык // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык... 1991. Приложение 2. С. 305–306.
69. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. ... 1983. С. 126–136.
70. Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык... 1991. С. 144.
71. Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык... 1991. С. 71–79.
72. Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык... 1991. С. 136.
73. Великая Скифия... 2002. С. 58.
74. Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы. Л. Наука. Ленинградское отделение. 1981. С. 161.
75. Великая Скифия... 2002. С. 58–59.
76. Фиалко Е.Е. Погребальный комплекс кургана Огуз // Древности скифов. Киев. 1994.
77. Великая Скифия... 2002. С. 59.
78. Лесков А.М. Курганы... 1981. С. 161.
79. Великая Скифия... 2002. С. 59–60.
80. Великая Скифия... 2002. С. 60.
81. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. 1983. С. 149.
82. Великая Скифия... 2002. С. 60.
83. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб. 2003. С. 266.
84. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб. 2003. С. 263.
85. Фармаковский Б.В. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в М. Ильинцах // Сборник археологических статей, поднесенных А.А. Бобринскому. СПб. 1911. С. 51–54.
86. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия... 1983. С. 148.
87. ИАК, вып. 19. СПб. 1906.
88. Великая Скифия... 2002. С. 60–62; Алексеев А.Ю. Хронография... 2003. С. 264–265.
89. Великая Скифия... 2002. С. 61–62.
90. Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л. «Искусство», Ленинградское отделение. 1987. С. 5–27.
91. Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов... 1966. С. 44.
92. Артамонов М.И. Сокровища... 1966. С. 42–46.
93. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии... 2003. С. 359–261.
94. Шильц В. О находке золотого гребня из кургана Солоха // АСГЭ. Выпуск 36. СПб. Издательство ГЭ. 2003. С. 68–71.
95. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. ... 1983. С. 152.
96. Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы. М. Наука. 1981. С. 155.
97. Лесков А.М. Курганы... 1981. С. 155–156.
98. Лесков А.М. Курганы... 1981. С. 157–158.

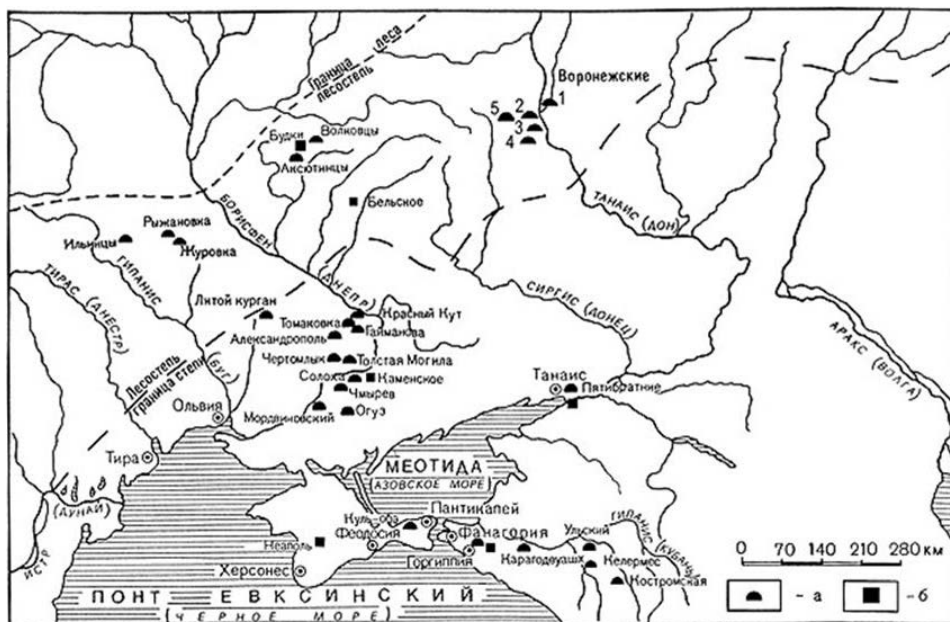

Рис. 1. Карта основных курганных древностей Скифии (по А.И. Пузиковой, 2001).
 а – курганы; б – городища. 1 – Частые курганы; 2 – Мастюгино;
 3 – Русская Тростянка; 4 – Дуровка; 5 – Колбино

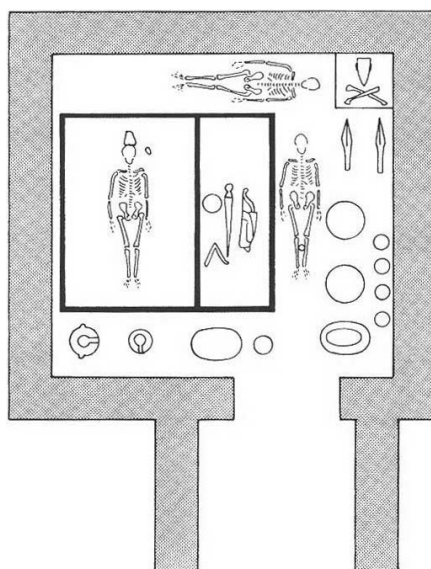

Рис. 2. План гробницы кургана Куль-Оба, близ г. Керчь, Крымский полуостров.
 Раскопки П. Дюбрюкса, 1830 г.

3

4

Рис. 3. Золотая бляха из Куль-Обы: конный скиф с копьем охотится на зайца. Собрание Государственного Эрмитажа (Артамонов М.И. «Сокровища скифских курганов». Л. 1966. № 253)

Рис. 4. Золотая бляшка с богиней, сидящей на троне и с зеркалом в руке; перед ней стоит скиф, пьющий из рога. Куль-Оба. Собрание ГИМ

Рис. 5. Золотой витой браслет с протомами сфинксов на концах. Курган Куль-Оба. 400–350 гг. до н.э. Собрание Государственного Эрмитажа. («Греческое золото», СПб. 1995, с. 141)

Рис. 6. Серебряный греческий ритон с головой барана на конце. Куль-Оба. Собрание Государственного Эрмитажа (Артамонов М.И., 1966, № 250)

Рис. 7. Бронзовое зеркало с покрытой золотым листом ручкой, где изображены фигуры животных. Куль-Оба. Собрание Государственного Эрмитажа (Алексеев А.Ю. «Золото скифских царей», СПб. 2012, с. 177)

8

9

10

Рис. 8. Золотой круглый медальон с ликом богини Афины. Куль-Оба. Собрание Государственного Эрмитажа («Греческое золото», 1995, с. 145, № 87)

Рис. 9. Две золотые греческие ладьевидные «серьги» с диском. Курган Куль-Оба. Собрание Государственного Эрмитажа («Греческое золото», 1995, с. 147, № 88)

Рис. 10. Золотая с эмалью гривна с фигурой конного скифа. Куль-Оба. Собрание Государственного Эрмитажа (Алексеев А.Ю., 2012, с. 186)

Рис. 11. Электровый кубок с изображениями скифов. Общий вид. Куль-Оба.
Собрание Государственного Эрмитажа (Алексеев А.Ю., 2012, с. 190)

Рис. 12. Деталь изображения на электровом кубке: скиф натягивает тетиву на лук. Куль-Оба. Собрание Государственного Эрмитажа (Алексеев А.Ю., 2012, с. 193)

Рис. 13. Золотая бляшка: два скифа, стоя спинами друг к другу, стреляют из луков. Куль-Оба. Собрание ГИМ («Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического Музея. М. 2014, с. 48–49, кат. № 7). Такая же золотая бляшка, но в целом виде, из Куль-Обы есть в собрании Государственного Эрмитажа

Рис. 14. Внешний вид Александропольского кургана (Луговая Могила) до начала раскопок. Рисунок XIX в. Курган находился близ с. Александровка Днепропетровской области (б. Екатеринославская губерния). Раскопки Терещенко А.В., 1852–1854 и А.Е.Люценко, 1855–1856

Рис. 15. Золотой поясной крючок с фигурой оленя. Александропольский курган. Собрание Государственного Эрмитажа (ДГС. I. Атлас. 1866, табл. I, 3, 4)

Рис. 16. Золотой литой наносник в виде протомы лошади. Александропольский курган. Раскопки А.Е.Люценко в 1855 г. Собрание Государственного Эрмитажа (Алексеев А.Ю., 2012, с. 251). Вторая половина IV в. до н.э.

Рис. 17. Золотая прорезная пластина с двумя грифонами в геральдической позе. Александропольский курган. Собрание Государственного Эрмитажа (Алексеев А.Ю., 2012, с. 257)

Рис. 18. Две золотые бляхи с изображением леопарда (рыси?). Александропольский курган. Собрание Государственного Эрмитажа (Алексеев А.Ю., 2012, с. 258)

Рис. 19. Золотая четырехугольная нашивная бляшка со стилизованной фигурой лежащего оленя. Александропольский курган. Собрание Государственного Эрмитажа (Алексеев А.Ю., 2012, с. 260)

Рис. 20. Золотые бляхи. Круглая в виде цветка и в виде цветка лотоса. Александропольский курган. Собрание Государственного Эрмитажа (Алексеев А.Ю., 2012, с. 261)

Рис. 21. Железная с золотой обкладкой пластина (часть навершия) в виде крылатой женской фигуры, держащей в руках двух ланей (скифская богиня Аргимпаса – Владычица зверей). Александропольский курган. Собрание Государственного Эрмитажа (Алексеев А.Ю., 2012, с. 262)

И. Е. Забѣлинъ.

Рис. 22. И.Е.Забелин – исследователь кургана Чертомлык

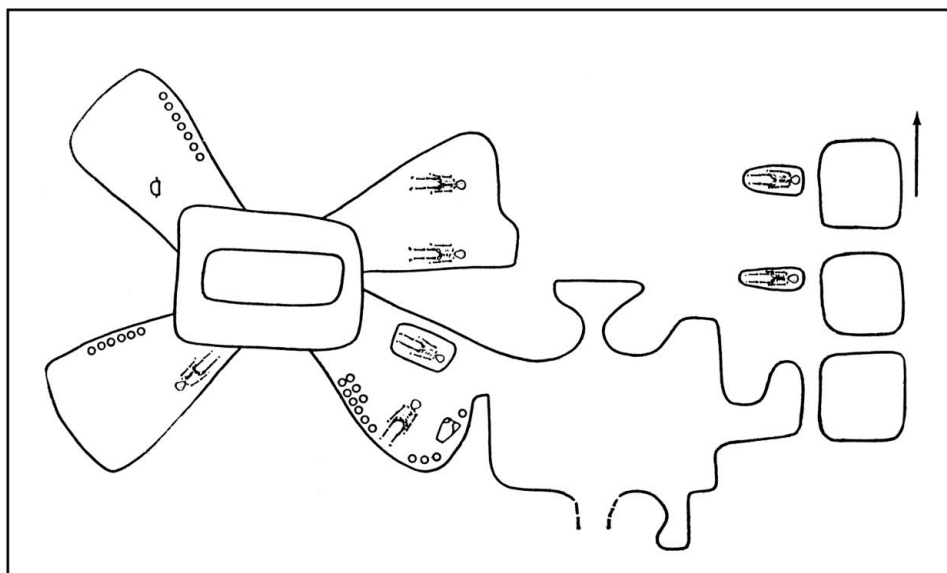

Рис. 23. План гробницы кургана Чертомлык. Расположен к северо-западу от города Никополь, Днепропетровская область (б. Екатеринославская губерния). Раскопки И.Е. Забелина, 1862–1863 гг.

Рис. 24. Золотая рукоять меча иранского (ахеменидского) происхождения. Курган Чертомлык. V в. до н.э. Собрание Государственного Эрмитажа (Алексеев А.Ю., 2012, с. 211)

Рис. 25. Меч в золотых ножнах со сценой битвы греков со скифами (точная копия изображения на золотых ножнах меча из кургана Чертомлык). Погребение «царя». Пятибратний курган № 8 Собрание Государственного Эрмитажа (Алексеев А.Ю., 2012, с. 214)

Рис. 26. Деталь изображения битвы греков со скифами на золотых ножнах меча. Чертомлык. Собрание Государственного Эрмитажа (Алексеев А.Ю., 2012, с. 216–217)

Рис. 27. Деталь изображения на золотой пластине горита: вручение лука младенцу Ахиллу. Чертомлык (Алексеев А.Ю., 2012, с. 208)

Рис. 28. Серебряная греческая амфора. Общий вид. Чертомлык. Собрание Государственного Эрмитажа (Алексеев А.Ю., 2012, с. 195)

Рис. 29. Деталь изображения (скифы, укрощающие коней) на фризе серебряной амфоры. Чертомлык (Алексеев А.Ю., 2012, с. 194)